

Охота
НА ДЖЕКА-
ПОТРОШИТЕЛЯ

КЕРРИ МАНИСКАЛКО

Охота на Джека-потрошителя

Керри Манискалко

Охота на Джека-потрошителя

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Манискалко К.

Охота на Джека-потрошителя / К. Манискалко — «АСТ»,
2016 — (Охота на Джека-потрошителя)

ISBN 978-5-17-982482-4

Англия. Конец XIX века. Семнадцатилетняя Одри Роуз Уодсворт — дочь одного из влиятельных британских лордов. Но вместо модных платьев и будущего, без сомнения, блестящего брака ее мысли занимают судебная медицина, анатомия и прочие не подобающие юной аристократке занятия. Это «хобби» так и осталось бы секретом, в который были посвящены лишь ее дядя, врач-хирург Джонатан Уодсворт, и его блестящий ученик Томас Кресуэлл, если бы в Лондоне не появился самый страшный серийный убийца — Джек-потрошитель. Одри Роуз решительно присоединяется к расследованию, но вскоре начинает подозревать, что маньяк скрывается под маской одного из близких ей людей. Но кто же этот безумец?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-982482-4

© Манискалко К., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Керри Манискалко

Охота на Джека-потрошителя

Kerry Maniscalko

Stalking Jack The Ripper

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

© 2016 by Kerri Maniscalco

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Он хочет крови. Да, кровь хочет крови.
«Макбет», акт 3, сцена 4
У. Шекспир¹

¹ Перевод М. Лозинского.

Глава 1

Предварительный разрез

*Лаборатория доктора Джонатана Уодсворта, Хайгейт
30 августа 1888 г.*

Я прижала большой и указательный пальцы к холодной как лед плоти и туго натянула ее над грудиной, как учил меня дядя.

Очень важно правильно сделать предварительный разрез.

Я помедлила, рассматривая место прикосновения металла к коже, чтобы обеспечить правильный угол и сделать самый чистый разрез. Я чувствовала, что дядя стоит у меня за спиной и следит за каждым моим движением, но сосредоточила все внимание на лезвии, которое держала в руке.

Без колебаний я провела скальпелем от одного плеча к груди, стараясь проникнуть как можно глубже. Чуть-чуть приподняла брови, но сразу же заставила себя надеть на лицо бесстрастную маску. Человеческая плоть разошлась намного легче, чем я ожидала. Это было почти то же самое, что резать свиное филе перед тем, как зажарить его; я ожидала, что эта мысль смутит меня несколько сильнее.

Тошнотворный сладковатый запах поднимался от сделанного мной разреза. Этот труп оказался не таким свежим, как другие. Во мне росло подозрение, что не все наши объекты получены легально или добровольно, и я жалела о том, что отмахнулась от предложения дяди надеть дыхательный аппарат.

С моих губ слетали туманные облачка выдыхов, но я подавила нарастающую дрожь. Отступила на шаг назад – опилки слегка хрустнули под моими туфлями – и осмотрела свою работу.

Кровь едва выступила из раны. Она была слишком густой и мертвой, она не потекла алой струйкой и казалась слишком неестественной, чтобы пугать. Если бы этот человек умер менее тридцати шести часов назад, она бы полилась на стол, а потом на пол, пропитывая опилки. Я вытерла лезвие о фартук, оставив на нем полоску.

Это был действительно прекрасный разрез.

Я приготовилась к следующему разрезу, но дядя поднял руку и остановил меня. Я кусила губу, презирая себя за то, что так быстро забыла о следующем шаге, которому он меня учил.

Непрекращающаяся вражда дяди с отцом – они оба утверждали, что не помнят причины ее возникновения, но я-то ее хорошо помнила, – заставляла его сомневаться, продолжать ли мое обучение. Если я продемонстрирую некомпетентность, это мне не поможет, ведь я надеялась прийти на занятия в его школу завтра утром.

– Минутку, Одри Роуз, – произнес он и взял у меня из руки испачканное лезвие.

Резкий запах наполнил воздух, смешавшись со зловонием разлагающихся органов, когда дядя откупорил бутылку с прозрачной жидкостью и смочил ею кусок ткани. В его лаборатории в подвале и среди его инструментов на первом месте стояла стерильность. Мне следовало помнить о необходимости вытереть скальпель.

Больше я не сделаю такой ошибки.

Я оглядела подвал, где вдоль стены лежало еще несколько трупов с бледными конечностями, застывшими, как покрытые снегом ветки деревьев. Мы пробудем здесь всю ночь, если я не потороплюсь, и мой отец, высокопоставленный лорд Эдмунд Уодсворт, вызовет Скотленд-Ярд, если я вскоре не вернусь домой.

Учитывая его положение в обществе, он, вероятно, пошлет на мои поиски целую армию.

Дядя заткнул пробкой бутыл с карболовой кислотой, затем подал мне другой скальпель, похожий на длинный и тонкий обеденный нож. Его лезвие было намного острее, чем у предыдущего. При помощи этого стерилизованного инструмента я повторила такой же разрез на другом плече, потом спустилась вниз, к центру живота покойника, и остановилась выше пупка.

Дядя не предупредил меня о том, как трудно будет разрезать ребра. Я украдкой взглянула на него, но он пожирал глазами труп.

Иногда мрак в его глазах пугал меня больше, чем те покойники, которых мы разделявали.

– Тебе надо разрезать ребра перед тем, как ты доберешься до сердца.

Я понимала, что дяде очень трудно сдержаться и самому не сделать это. Большинство ночей он проводил в обществе трупов, словно в обществе интересных книг; он обожал их вскрывать и раскрывать тайны на страницах их кожи и костей. Пока его одержимость не взяла верх и не прервала наш урок, я быстро вскрыла грудную клетку и обнажила сердце и остальные внутренние органы.

Мерзкий запах ударил мне в лицо, и я невольно отшатнулась назад, едва удержавшись, чтобы не прижать ладонь ко рту. Это был тот шанс, которого ждал дядя. Он шагнул вперед, но прежде, чем он успел меня оттолкнуть в сторону, я сунула руки глубоко в живот трупа и стала шарить среди скользких мембран, пока не нашла то, что искала.

Я собралась с духом и приступила к процессу извлечения печени, затем еще раз взяла из рук дяди скальпель. Еще несколько надразов, и орган отделился.

Я бросила его в подготовленную кювету для образцов, куда он упал с мокрым шлепком, и удержалась от желания вытереть руки о фартук. Одно дело заставить слуг дяди выстирать фартук с небольшими следами крови, и совсем другое – отстирывать его от той липкой крови и других жидкостей, которые покрывали сейчас мои пальцы.

Мы не могли позволить себе снова лишиться служанок, а дяде совсем не улыбалось новое распространение слухов. Некоторые и так уже считали его безумным.

– Каково твое медицинское заключение, как умер этот человек, племянница?

Печень имела ужасную форму. Несколько шрамов пересекали ее вдоль и поперек, напоминая высохшие речки и притоки. Первой моей догадкой было то, что этот мужчина не чурался выпивки.

– По-видимому, он умер от цирроза, – указала я на шрамы. – Его печень уже некоторое время отказывалась работать, как мне кажется, – я подошла к его голове и приподняла одно веко. – Легкая желтизна вокруг белков глаз также присутствует, что подтверждает мое подозрение, что он уже несколько лет медленно умирает.

Я вернулась обратно к печени и старательно сделала поперечный срез, чтобы позже изучить его под микроскопом, затем прополоскала печень и опустила ее в банку на хранение. Мне надо будет пометить банку биркой и поставить на стену вместе с другими законсервированными органами. Важно было вести подробные записи всех вскрытий.

Дядя кивнул.

– Очень неплохо. Даже очень хорошо. А что насчет...

Дверь в лабораторию с грохотом распахнулась, и в проеме появился мужской силуэт. Невозможно было точно увидеть, на кого он похож, или определить возраст, потому что незнакомец низко надвинул шляпу на лоб, а его пальто буквально касалось земли, но он был очень высоким. Я невольно отступила на шаг, надеясь, что дядя сейчас выхватит оружие, но его, казалось, ничуть не испугал этот темный пришелец.

Совершенно игнорируя мое присутствие, мужчина смотрел только на дядю.

– Все готово, профессор.

Голос его звучал непринужденно и принадлежал молодому человеку. Я приподняла брови, заинтересованная тем, что затевают студент и мой дядя.

– Так быстро? – дядя посмотрел на настенные часы, потом на труп на столе, а затем на меня. Я понятия не имела, кто этот грубиян и что готово, но у меня возникло ощущение, что в такой поздний час речь не может идти ни о чем хорошем. Дядя потер подбородок. Прошла, как мне показалось, целая вечность, после которой он смерил меня оценивающим взглядом. – Ты в состоянии сама зашить этот труп?

Я выпрямилась и вздернула подбородок.

– Конечно.

Это просто абсурдно, как дядя мог усомниться в моей способности справиться с таким легким заданием, особенно после того, как я так успешно шарила во внутренностях покойника совершенно самостоятельно. Из всех моих задач эта была самой легкой.

– Тетя Амелия говорит, что я великолепно владею иглой, – прибавила я. Вот только она не имела в виду сшивание человеческой кожи, когда хвалила мои швейные навыки, я уверена. – Во всяком случае, я все лето тренировалась на туше кабана, и мне без труда удавалось про- ткнуть иглами его дерму. Тут то же самое.

Темная фигура рассмеялась – смех был вполне приятным. Я сохранила спокойное выра- жение лица, хоть внутри у меня все кипело. В моем утверждении не было ничего забавного. Шьешь ли ты кожу или ткань, имеет значение мастерство, а не материал.

– Очень хорошо, – дядя натянул черное пальто и взял из ящика рядом со своим пись- менным столом какой-то предмет; что именно, я не разглядела. – Ты можешь зашить тело. Не забудь запереть подвал, когда уйдешь.

Молодой человек исчез: он поднялся по лестнице, ни разу не оглянувшись, и я была рада, что он ушел. Дядя остановился у двери, его пальцы в шрамах нервно выбили дробь по дверной раме.

– Моя карета отвезет тебя домой, когда закончишь, – сказал он. – Оставь другие образцы на завтрашний вечер.

– Дядя, погоди! – я обежала вокруг лабораторного стола. – Как насчет завтрашней школы? Ты обещал, что скажешь мне сегодня.

Он бросил быстрый взгляд на выпотрошенный труп на столе, потом снова перевел его на мое лицо, полное ожидания. Я видела, как он выстраивает в голове стратегию и придумывает тысячу причин, почему я не должна посещать его занятия по судебной медицине.

Меньше всего его волновало соблюдение приличий.

Отец разорвал бы его на куски, если бы узнал о моей стажировке.

Дядя Джонатан вздохнул.

– Ты должна переодеться в мужское. И если скажешь хоть одно слово, это будет твой первый и последний урок в моем классе. Понятно?

Я энергично закивала.

– Обещаю. Буду молчать, как мертвая.

– Ах, – ответил дядя, надевая шляпу и натягивая ее низко на лоб, – мертвые говорят с теми, кто умеет слушать. А ты будь даже молчаливее, чем они.

Глава 2

Кровная месть

*Школа для мальчиков Хэрроу, Лондон
31 августа 1888 г.*

По словам дяди, крови было не так много, как можно ожидать при такой глубокой ране на горле.

Я едва успевала записывать за ним, пока он рассказывал о той ужасной картине, которую видел этим утром, и мои записи выглядели такими же беспорядочными, как и мои мысли.

– Скажите мне, мальчики, – произнес дядя Джонатан, вышагивая взад-вперед по низкой сцене в центре галереи, и его выпуклые зеленые глаза на секунду посмотрели прямо в мои глаза, а потом он продолжил, – какое предположение позволяет сделать тот факт, что кровь, найденная под трупом, почти свернулась? Или, еще лучше, если найденной крови едва хватило бы, чтобы наполнить сосуд объемом в полпинты, что это может нам сказать о смерти жертвы?

Мое желание тут же выкрикнуть ответ было всего лишь жалким зверем, стремящимся вырваться на свободу из той клетки, куда я согласилась его поместить. Вместо того чтобы изгнать этого демона, я сидела тихо, плотно сжав губы, низко надвинув шляпу на лоб. Я скрывала свое раздражение, рассматривая выражение лиц моих одноклассников. И вздыхала про себя. Лица большинства из них имели одинаковый цвет артишока, и казалось, их вот-вот стошнит. Как они смогли бы выдержать вскрытие трупа – выше моего понимания.

Я незаметно соскребала с ногтевого ложа на пальцах засохшую кровь, и вспоминала свои ощущения в тот момент, когда держала в ладонях печень, и одновременно гадала, какие новые ощущения мне предстоит испытать во время сегодняшнего вскрытия.

Парень с темно-каштановыми волосами – такими же старательно ухоженными, как и его безупречно отутюженная форма – поднял прямую как стрела руку. Большинство его пальцев покрывали пятна чернил, как будто он тоже был так поглощен своими записями, что не обращал внимания на мелочи. Мой взгляд раньше уже останавливался на нем – меня завораживало то, как методично он все записывает. Он учился с почти маниакальным упорством, и это меня восхищало.

Дядя кивнул головой в его сторону. Парень прочистил горло, встал, уверенно расправил плечи и повернулся лицом к классу, а не к дяде.

Я прищурилась. Он был довольно высокого роста. Может быть, это он приходил вчера ночью?

– Совершенно очевидно, по-моему, – произнес парень почти равнодушным тоном, – что наш убийца или наметил покойницу для незаконных действий и хотел заманить ее куда-нибудь в укромное место, или незаметно подкрался сзади – ведь она явно была пьяна – и напал на нее.

Трудно определить точно, потому что вчера он почти ничего не сказал, но его голос был очень похож на голос вчерашнего дядиного посетителя. Я поймала себя на том, что подалась вперед, как будто приближение к нему могло помочь мне его узнать.

Дядя Джонатан откашлялся, чтобы прервать самоуверенного мальчишку, и сел за свой деревянный письменный стол. Я улыбнулась. Переодевание мальчиком, несомненно, имело свои преимущества. Разговоры о проститутках всегда выводили дядю из себя, но теперь он никого не мог бранить за такие вольные разговоры в моем присутствии.

Он выдвинул ящик стола, достал из него очки, протер пятна на стеклах своим твидовым пиджаком и пристроил их себе на переносицу. Потом наклонился вперед и спросил:

– Почему ты считаешь, Томас, что на нашу жертву напали сзади, когда большинство моих коллег считают, что жертва уже лежала в момент нападения?

Я переводила взгляд с одного на другого, удивленная тем, что дядя обратился к нему по имени. Теперь я была почти уверена, что именно он был тем ночным пришельцем. Этот парень, Томас, нахмурился.

Золотисто-карие глаза были так идеально расположены на угловатом лице, будто его нарисовал сам Леонардо да Винчи. Если бы у меня были такие роскошные ресницы! Квадратный подбородок придавал ему облик человека очень решительного. Даже нос был тонким и царственным, из-за него любое выражение его лица казалось настороженным. Если бы не его возмутительная уверенность в собственном выдающемся уме, его можно было бы считать весьма привлекательным, подумала я.

– Потому что, как вы сказали, сэр, горло было перерезано слева направо. Учитывая то, что большинство людей – правши, можно сделать вывод, исходя из направленной вниз траектории, которую вы описали, и из статистической вероятности, что наш преступник действительно является правой, и ему легче всего было нанести такой удар, подойдя к жертве сзади.

Томас схватил сидящего рядом с ним студента и рывком поднял на ноги, иллюстрируя свою точку зрения. Ножки стула закричали по плиткам пола, когда парень попытался вырваться, но Томас держал его так же крепко, как удав держит свою добычу.

– Вероятно, он схватил ее левой рукой поперек туловища или грудной клетки и подтащил ближе к себе, вот так, – тут он развернул соученика кругом, – может быть, что-то шепнул ей на ухо, чтобы не дать крикнуть – ведь, как вы сказали, никто ничего не слышал, – и быстро полоснул лезвием по ее горлу. Один раз, пока она стояла, потом два раза, когда она упала на землю, а она даже не успела понять, что происходит.

Показав таким образом почти обезглавливание, Томас отпустил парня и перешагнул через него, вернувшись на прежнее место и к прежнему безразличному выражению лица.

– Если бы вы осмотрели брызги крови на бойне, то, уверен, вы бы обнаружили нечто вроде обратной схемы их расположения, так как скот обычно убивают, подвесив его вниз головой.

– Ха! – дядя захлопал в ладоши так громко, что по залу разнеслось эхо.

Я подпрыгнула при этом его всплеске эмоций и с облегчением увидела, что большинство учеников подскочило на своих стульях одновременно со мной. Невозможно отрицать, что дядя относится к убийству с большой горячностью.

– Тогда почему, могут задать вопрос оппоненты, кровь не забрызгала всю верхнюю часть забора? – задал вопрос дядя, ударив кулаком одной руки о ладонь другой. – Когда ей перерезали сонную артерию, кровь бы ритмично забрызгала все вокруг. Спросите у остальных судмедэкспертов, которые побывали на месте преступления.

Томас кивнул, словно ожидал именно этого вопроса.

– Это очень просто объяснить, не так ли? На ней был шарфик, когда на нее напали, потом он слетел. Или, возможно, убийца сорвал его с нее, чтобы вытереть клинок. Может быть, он страдает от какого-то невроза.

Повисло молчание, тяжелое, как туман в Ист-Энде, когда яркая картина, нарисованная Томасом, ожила в мозгу каждого из нас. Дядя учил меня, как важно не допускать проявления эмоций в делах такого рода, но трудно говорить о женщине так, словно она – животное, которое привели на бойню.

Как бы низко она ни пала по меркам общества.

Я с трудом сглотнула. По-видимому, Томас обладал вызывающим беспокойство умением предсказывать, почему убийца поступал так или иначе, и выключать эмоции, когда ему это было нужно. Дядя ответил через несколько секунд – при этом он ухмылялся, как безумный, а его глаза горели, как две искры в глазницах.

Я не смогла побороть спазм зависти, стиснувший мой желудок. Не могу сказать, расстроило ли меня то, что дядя выглядел таким довольным, но не я стала тому причиной, или я бы хотела сама пообщаться с этим раздражающим меня парнем. Из всех людей, сидящих в этой комнате, его, по крайней мере, не испугала жестокость этого преступления. Страх не поможет свершиться правосудию – кажется, парень это понимает.

Я отбросила в сторону эти мысли и стала слушать урок.

– Блестящие навыки дедукции, Томас. Я тоже считаю, что на нашу жертву напали сзади, когда она стояла. Орудие убийства – нож, имевший, вероятно, в длину дюймов шесть или восемь. – Дядя сделал паузу, показывая классу руками, какой длины был нож.

По моим венам пробежал холодок. Похоже, нож был примерно такой же длины, как тот скальпель, которым я работала вчера ночью.

Дядя прочистил горло.

– Судя по неровному разрезу живота, я бы сказал, что рана нанесена после смерти, на том месте, где обнаружили тело. Я бы также рискнул предположить, что нашему убийце что-то помешало, и он не получил того, что задумал добыть. Но у меня предчувствие, что он может оказаться либо левшой, либо амбидекстром, на основании других улик, которые я пока не обнаружил.

Мальчик, сидящий в первом ряду, поднял дрожащую руку.

– Что вы имеете в виду? Что он задумал добыть?

– Молю бога, чтобы мы об этом не узнали, – мрачным тоном ответил дядя. Он подергал кончик своего седого уса – у него была такая привычка, когда он глубоко задумывался. Я знала, теперь он скажет нечто неприятное. Он опустил руку и подошел к своему столу.

Сама того не сознавая, я вцепилась в края своего стула так крепко, что у меня побелели косточки пальцев. Потом я слегка разжала пальцы, но не до конца.

– Сейчас я изложу вам свои гипотезы, – дядя еще раз обвел взглядом комнату. – Полагаю, что он хотел добыть ее органы. Детективы-инспекторы тем не менее не разделяют моих идей по этому поводу. Могу лишь надеяться, что они правы.

Начались споры по поводу гипотезы дяди насчет охоты за органами, а я начала копировать те рисунки, которые он в спешке набросал на классной доске в начале нашего занятия, чтобы привести в порядок свои мысли. Препарированные свиньи, лягушки, крысы и даже еще более неприятные вещи – например, человеческие кишки и сердца – украсили мои страницы.

Мой блокнот наполнился изображениями таких вещей, которые не должны привлекать молодую леди, но я тем не менее не могла укротить свое любопытство.

На блокнот упала чья-то тень, и я почему-то поняла, что это Томас, еще до того, как он открыл рот.

– Вам следует положить эту тень слева от тела, иначе она выглядит как лужа крови.

Я напряглась, но крепко сжала губы, словно их сшил неумелый гробовщик. У меня под кожей разливался жар, и я проклинала реакцию своего тела на этого надоедливую парня. Томас продолжал критиковать мою работу.

– Поистине, вам следует стереть эти смехотворные пятна, – сказал он. – Свет уличного фонаря падает с этой стороны. Вы все изобразили совершенно неверно.

– Поистине, вам следует заняться своим делом.

Я закрыла глаза, молча ругая себя. Лучше бы мне сидеть тихо и не общаться ни с одним из мальчиков. Один промах может стоить мне места в классе.

Решив, что нельзя показывать свой страх перед бешеным псом, я посмотрела прямо в глаза Томаса. Легкая улыбка играла у него на губах, и сердце мое поскакало рысью, подобно запряженной в карету лошади, бегущей по Трафальгарской площади. Я напомнила себе, что он – самодовольный болван, и решила, что мое учащенное сердцебиение вызвано нервами. Я

скорее искупаюсь в формальдегиде, чем позволю такому возмутительному мальчишке сорвать мою учебу у дяди.

Каким бы он ни был красавчиком.

– Хотя я и ценю ваши наблюдения, – сквозь стиснутые зубы сказала я, из предосторожности сильно понизив голос, – но мне бы очень хотелось, чтобы вы не мешали мне заниматься.

Его глаза плясали, будто он узнал какую-то очень забавную тайну, и я поняла, что я –мышь, которую поймал слишком умный кот.

– Ну, хорошо, мистер?.. – то, как он произнес «мистер», не оставило места сомнениям: он хорошо понимал, что я не юноша, но захотел поиграть со мной, бог знает по какой причине. Я немного смягчилась при этой демонстрации милосердия и еще больше понизила голос, чтобы только он мог меня слышать, а мое сердце снова быстро забилося от сознания нашей общей тайны.

– Уодсворт, – прошептала я. – Меня зовут Одри Роуз Уодсворт.

На его лице промелькнуло понимание, он бросил взгляд на дядю, все еще ведущего горячий спор. Он протянул руку, и я нехотя пожала ее, надеясь, что ладони не выдадут мою нервозность.

Может быть, было бы хорошо иметь друга, с которым можно обсудить занятия в классе.

– По-моему, вчера ночью мы встречались, – рискнула сказать я, несколько осмелев. Брови Томаса сдвинулись, и моя только что обретенная уверенность рухнула. – В лаборатории дяди?

По его лицу пробежала тень.

– Простите, но я понятия не имею, о чем вы говорите. Мы с вами беседуем в первый раз.

– Мы не совсем беседовали.

– Приятно было с вами познакомиться, Уодсворт. Уверен, нам будет что обсудить в ближайшем будущем. И даже очень скоро, собственно говоря, так как я сегодня вечером приду попрактиковаться у вашего дяди. Возможно, вы позволите мне иметь удовольствие проверить некоторые из моих новых теорий?

Еще одна алая волна залила мои щеки.

– Какие именно теории?

– Ваш скандальный выбор этих занятий, конечно, – он усмехнулся – Не каждый день встречаешь такую странную девушку.

Теплое дружелюбие, которое я уже начинала чувствовать к нему, замерзло, как пруд в суровую зиму. Особенно из-за того, что он, казалось, совершенно не подозревал, как раздражает других людей, улыбаясь сам себе, словно его ничто на свете не волнует.

– Мне так нравится то удовлетворение, которое я испытываю, решая головоломку и доказывая, что я прав.

Каким-то образом я нашла в себе силы прикусить язык и не ответить ему; вместо этого я натянута улыбнулась. Тетя Амелия гордилась бы тем, что я усвоила ее уроки этикета.

– Буду с нетерпением ждать возможности выслушать вашу искрометную теорию о моем жизненном выборе, мистер?..

– Джентльмены! – рявкнул дядя. – Прошу вас, я бы хотел, чтобы каждый из вас записал свои гипотезы насчет убийства мисс Мэри Энн Николс и принес их завтра на урок.

Томас в последний раз послал мне свою дьявольскую усмешку и вернулся к своим записям. Когда я закрыла журнал и собрала все свои вещи, то невольно подумала, что он может оказаться не менее досадной тайной, которую мне предстоит разгадать.

Глава 3

Чай и вскрытие

*Резиденция Уодсвортов, Белгрейв-сквер
31 августа 1888 г.*

– Куда ты убегаешь в такой час?

Отец стоял возле дедушкиных часов в фойе – его тон звучал так же нервно, как бой этих отвратительных старомодных часов, – и проверял свои наручные часы. Всего несколько лет разделяло дядю и отца, и до недавнего времени они могли бы сойти за близнецов. На его квадратном подбородке перекатывались желваки. Сейчас он будет задавать еще более неприятные вопросы. Меня вдруг охватило непреодолимое желание броситься бежать назад по парадной лестнице.

– Я... я обещала дяде Джонатану зайти к нему на чай. – Я увидела, как он резко втянул в себя воздух, и тихо прибавила: – Отказаться от приглашения было бы невежливо.

Не успел он высказать свое мнение на этот счет, как дверь в гостиную распахнулась, и мой брат выплыл из нее, кружась в вальсе, подобный лучу солнца на фоне театрального задника с изображением серого дня. Быстро оценив ситуацию, он бросился в атаку.

– Должен заметить, все выглядят такими исключительно жизнерадостными сегодня, что просто страшно. Нахмурься как следует, добрый человек. А, – улыбнулся он в ответ на сердитый взгляд отца, – вот так уже лучше! У тебя отлично получается, отец.

– Натаниэль, – предостерег его отец, переводя взгляд с него на меня и обратно, – это тебя не касается.

– Нам снова страшно выпустить эту девочку из защитного мыльного пузыря? Упаси бог, она может подхватить оспу и умереть. О, погодите, – Натаниэль склонил голову к плечу. – Так уже было раньше, правда? – Он театрально схватил меня за запястье и нащупал пульс, потом отшатнулся. – Клянусь богом, отец, она очень даже жива!

Бледная рука отца задрожала, и он вытер лоб платком, что не предвещало ничего хорошего. Натаниэлю обычно удавалось развеять беспокойство отца удачной шуткой. Сегодня у него не получилось. Я не могла не заметить дополнительных морщинок вокруг рта отца, из-за которых уголки его губ были почти постоянно опущены. Если бы только он перестал все время тревожиться по какому-нибудь поводу, это сделало бы его красивое лицо лет на десять моложе. Седина в последнее время все сильнее проступала в его светлых пепельных кудрях.

– Я как раз говорила отцу, что иду к экипажу, – сказала я так непринужденно, как только смогла, делая вид, что не чувствую перемены в атмосфере. – У меня встреча с дядей Джонатаном.

Натаниэль захлопал руками в перчатках, лукавая улыбка осветила его лицо. Он не мог противиться своему желанию помочь мне изучать медицину. В основном потому, что мои современные взгляды на то, почему девушки тоже способны приобретать профессию и изучать ремесло, его бесконечно забавляли.

Любовь моего брата к спорам сделала его отличным адвокатом-стажером, но его непостоянство очень скоро привело бы его куда-нибудь еще. В число его прежних прихотей входило несколько месяцев изучения медицины, потом искусства, потом кошмарные усилия овладеть скрипкой – это плохо заканчивалось для всех, кто имел несчастье слышать, как он играет гаммы.

Хотя, как наследник состояния нашей семьи, он не нуждался в приобретении какой-то профессии. Это было просто средством заполнить свободное время и заняться чем-нибудь еще, помимо кутежей с напыщенными друзьями.

– А, верно. Помню, дядя что-то говорил насчет чая в начале недели. К сожалению, мне пришлось отказаться от приглашения из-за моих занятий и всего прочего, – поправив перчатки и одернув костюм, Натаниэль отступил на шаг и усмехнулся. – Твое платье исключительно подходит для сегодняшней погоды и особого случая. Тебе семнадцать сегодня, правильно? Ты великолепна, именинница. Разве ты не согласен, отец?

Отец внимательно осмотрел мой наряд. Вероятно, он изобретал какую-нибудь ложь, чтобы не позволить мне поехать в дом дяди, но не мог ничего придумать. Я уже уложила в карету комплект одежды попроще. Если он не сможет доказать, что я еду ради запретной практики по вскрытию покойников с риском подцепить инфекцию, ему не удастся меня остановить.

А сейчас я одета в благопристойный наряд для вечернего чая: платье из «мокрого» шелка, того же бледно-желтого цвета шелковые туфельки, а корсет так туго зашнурован, что напоминает болью о своем присутствии при каждом вдохе.

Внезапно я почувствовала благодарность к перчаткам розового цвета, застегнутым на пуговицы до локтей, – этот модный аксессуар прекрасно скрывал вспотевшие ладони.

Отец устало провел рукой по лицу.

– Поскольку сегодня твой день рождения, ты можешь поехать туда на чай, но сразу же возвращайся. Я не хочу, чтобы ты поехала еще куда-то. И я не хочу, чтобы ты занималась чем-то таким... – он помахал рукой, как раненая птица машет крылом, – ...чем-то тем, чем занимается твой дядя. Понятно?

Я с облегчением кивнула головой, но отец еще не закончил.

– Если с твоей сестрой что-то случится, – сказал он, пристально глядя на брата, – я буду считать тебя ответственным за это.

Отец еще секунду смотрел в глаза Натаниэля, потом вышел из комнаты, оставив за собой ощущение пронесшегося шторма. Я смотрела, как его широкая спина исчезает в конце коридора, пока он не захлопнул за собой дверь кабинета одним взмахом руки. Я знала, что вскоре он закурит сигару и запрется там до утра, а мысли и воспоминания о маме будут преследовать его, пока он не погрузится в беспокойный сон.

Я перевела взгляд на Натаниэля, который вытащил свой любимый серебряный гребень и провел им по волосам. Ни одна золотистая прядка не должна лежать не на своем месте, иначе может взорваться вселенная.

– Жарковато в кожаных перчатках, ты не находишь?

Натаниэль пожал плечами.

– Я тоже собирался уходить.

Как мне ни хотелось поговорить с братом, мне предстояла серьезная встреча. Дядя имел множество особых привычек, и опоздания не допускались. Пусть даже сегодня день моего рождения.

Когда я в последний раз нарушила это правило, дядя заставил меня целый месяц отмывать пол от окровавленных опилок. Мне не хотелось еще раз заслужить такое наказание; кровь тогда запекалась вокруг моих ногтей, и ужасно трудно было отмывать ее перед ужином. Слава богу, тетя Амелия у нас тогда не гостила, она бы упала в обморок от этого зрелища.

– Хочешь, завтра встретимся и вместе отправимся на ланч? – спросила я. – Я могу попросить Марту приготовить для нас что-нибудь, чтобы взять с собой в Гайд-парк. Мы даже можем прогуляться вокруг Серпантина.

Натаниэль улыбнулся с легкой грустью.

– Может быть, мы сможем устроить запоздалую прогулку в честь твоего дня рождения вокруг пруда на следующей неделе? Мне, конечно, хотелось бы знать, что вы с дядюшкой

Кадавром затеваете в том мини-домике ужасов, – в его глазах вспыхнула искорка беспокойства. – Меня тревожит, что ты видишь всю эту кровь. Это не может быть полезным для слабых женских нервов.

– Вот как? Где в медицинском словаре сказано, что женщина не может справиться с подобными вещами? Или душа мужчины состоит из другого материала, которого нет в душе женщины? – пошутила я. – Я и не представляла себе, что мои внутренние органы состоят из ваты и котят, а твои – из стали и деталей парового двигателя.

Его голос смягчился, когда он заговорил о том, что его действительно тревожило.

– Отец с ума сойдет, если обнаружит, чем ты в действительности занимаешься. Боюсь, его представление о реальности сейчас сильно пострадало. Его иллюзии начинают... внушать тревогу.

– Почему это?

– Недавно утром я... я застал его, когда он точил ножи и разговаривал сам с собой, когда думал, что все еще спят, – он потерял виски, его улыбка угасла. – Возможно, он думает, что сможет заколоть микробов до того, как они проникнут в наш дом.

Это была действительно тревожная новость. В последний раз, когда на отца нашло такое, он заставлял меня надевать на лицо маску каждый раз, когда я выхожу из дома, чтобы избежать заражения через дыхание. Хотя я и любила считать себя выше таких вещей, как тщеславие, мне очень не понравились взгляды, которыми меня награждали, когда я рисковала выйти из дома. Снова пройти через это было бы мучительно.

Я постаралась изобразить широкую улыбку.

– Ты слишком волнуешься, – я поцеловала его в щеку, а потом пошла к двери, легкомысленным тоном сказав напоследок: – Если не станешь осторожнее, ты в конце концов лишишься всех своих роскошных волос.

Натаниэль в ответ рассмеялся.

– Я это учту. С днем рождения, Одри Роуз. Очень надеюсь, что ты прекрасно проведешь время, что бы ты там ни задумала. Но будь осторожна. Ты же знаешь, дядя бывает немного... сумасшедшим.

Двадцать минут спустя я стояла в подвале, в лаборатории дяди, привыкая к ужасному запаху чужого кошмара.

Мертвая плоть издает тошнотворный, сладковатый запах, и, чтобы привыкнуть к нему, требуется некоторое время. Свежие, неповрежденные трупы источают запах, напоминающий запах тушки цыпленка. Запах тел людей, умерших несколько дней назад, игнорировать несколько сложнее, каким бы опытом общения с ними ты ни обладал.

Мэри Энн убили меньше чем сутки назад, и сильный запахдохлой крысы свидетельствовал о том, что ее смерть была жестокой. Я помолилась про себя за ее неупокоенную душу и истерзанное тело перед тем, как переступить порог помещения.

Газовая лампа под потолком бросала мрачные тени на обои с рисунком под парчу; две знакомые фигуры склонились над трупом, лежащим на столе для вскрытия. Не надо было быть гением, чтобы прийти к выводу, что это труп, который мы обсуждали во время нашего утреннего урока, а второй человек в комнате – это мой возмутительный соученик.

Я по опыту знала, что нельзя мешать дяде во время исследования улики, и была особенно благодарна ему за это правило, когда он снова начал описывать Томасу изувеченную шею жертвы – еще более детально. Эта женщина показалась мне чем-то знакомой, и я невольно стала воображать себе ее жизнь до наступления такого печального конца.

Возможно, были люди, которые ее любили, муж или дети, и в этот момент они оплакивают ее гибель, и им теперь все равно, что ей выпала тяжелая судьба.

У смерти нет таких предрассудков, как положение в обществе или пол, как у живущих людей. Она является одинаково за королями, королевами и проститутками, часто оставляя сожаления живым. Что бы мы могли сделать иначе, если бы знали о столь близком конце? Я прогнала от себя эти мысли. Слишком близко я подошла к той опасной двери чувств, которую уже заперла на замок.

Мне необходимо было отвлечься, и, слава богу, это место идеально подходило именно для этой цели. Полки из красного дерева тянулись вдоль стен всей комнаты, уставленные сотнями стеклянных банок с образцами. Их тщательно занесли в каталог и выставили в алфавитном порядке: дядя поручил мне эту работу прошлой осенью, и я только недавно ее закончила.

Всего я насчитала почти семьсот разных образцов – великолепная коллекция даже для музея, не говоря уже о частном доме.

Я провела пальцем по ближайшему ко мне законсервированному образцу: бирка на нем, подписанная моим мелким почерком, гласила, что это поперечный срез лягушки. Слабый аммиачный запах формалина пропитывал все в этой подземной берлоге, заглушая даже сладковатый запах тления, но он, как ни странно, успокаивал. Я тихо взяла печень, которую вчера сама извлекла, и поставила на полку. Это мое первое собственное добавление к коллекции.

Мое внимание привлекло то, что я приняла за одежду мисс Николс. Пятна крови с трудом можно было различить на темной материи, однако, учитывая особенности нападения, я понимала, что они там есть. Маленькие ботиночки на шнуровке покрыты грязью; грязь испачкала стол, на котором они лежали. Ботинки были сильно поношены, что свидетельствовало о ее бедности.

По моей спине пробежала дрожь, никак не связанная с мрачной процедурой, которая происходила в противоположном конце комнаты. Поддерживать низкую температуру в этой части дома было необходимо, иначе образцы слишком быстро разлагались.

Не стесняющее движений платье из муслина, которое я теперь надела, служило плохой защитой от холодного воздуха, но я предпочитала работать в нем, а не в более нарядном платье с корсетом, хотя руки покрылись гусиной кожей.

Я обвела взглядом противоположную от меня стену, где лежали медицинские журналы и инструменты, которые постороннего человека могли немного испугать. Изогнутое, похожее на серп лезвие ножа для ампутации, пилы для костей, внушительные стеклянные и металлические шприцы были бы вполне уместны в том готическом романе, которым так увлекались в детстве и я, и Натаниэль, – он назывался «Франкенштейн». Их легко можно было принять за дьявольские приспособления, если человек имел склонность к таким предрассудкам... как отец.

Потустороннюю тишину помещения нарушил голос дяди, который перечислял основные факты, такие как рост, пол, цвет волос и глаз, одновременно осматривая тело в поисках других травм, полученных жертвой в момент убийства. Эти факты я уже помнила по записям в моем журнале.

Я смотрела, как Томас делает заметки в медицинской анкете с механической точностью; на его пальцах появилось еще больше чернильных пятен, чем вчера в классе. Делать записи входило в мои обязанности во время подобных процедур. Я терпеливо стояла, вдыхала химический воздух и слушала тихие звуки, издаваемые разрезаемой плотью, пытаюсь не обращать внимания на тошноту, поднимающуюся в желудке. Мне всегда требовалось несколько минут, чтобы привести в порядок нервы.

Через несколько мгновений дядя заметил, что я стою в углу, и подал мне знак надеть фартук и присоединиться к ним.

Когда я подошла ближе к труп, словно закрылась какая-то дверь между моим сердцем и головой, оставив все эмоции по другую сторону. Когда я стояла над трупом, я больше не видела ту женщину, какой мертвая была при жизни. Я видела лишь покинутую оболочку, и мною овладело сильнейшее любопытство.

Эта женщина превратилась из приятной на вид женщины в еще одно безликое тело; этим летом я достаточно часто имела с ними дело. Обрывки ткани прикрывали некоторые части ее тела, чтобы соблюсти пристойность, хотя в ее состоянии не было ничего пристойного.

Ее кожа имела более бледный цвет, чем тончайшая посуда ручной работы, которую мама унаследовала от своей бабушки из Индии, за исключением подбородка, где виднелся темный синяк. Тяжелая жизнь уничтожила ту нежность, которая прежде была свойственна ее облику, по моим представлениям, и смерть не была доброй к ней, когда заключила ее в свои беспощадные объятия.

По крайней мере, глаза у нее были закрыты. Больше ничего мирного в ее облике не было. По словам дяди, у нее не хватало пяти зубов и на языке также имелся разрез: он свидетельствовал о том, что ее, вероятно, ударили или сбили с ног, и она потеряла сознание перед тем, как ей перерезали горло. Это были самые щадящие повреждения.

Мой взгляд переместился на низ живота, в левой части которого зияла огромная рана. Дядя Джонатан на занятии не преувеличил: эта рана была неровной и очень глубокой. Несколько меньших ран тянулись вдоль правой стороны торса, но они были не такими глубокими, насколько я могла судить.

Я видела, почему дядя считал, что преступник пользовался обеими руками. Синяк на челюсти указывал, что кто-то обхватил ее лицо левой рукой, а разрез на левой стороне тела, вероятнее всего, сделал человек, действующий правой рукой. Разве только убийца был не один...

Я покачала головой и снова сосредоточилась на верхней части тела. Раны от ножа на шее говорили о жестоком нападении. Тем не менее мне было на удивление легко смотреть на них в моем новом, эмоционально отстраненном состоянии, и у меня промелькнула мысль: тетя Амелия, возможно, сказала бы, что это еще один удар, нанесенный моему моральному облику.

– Девушки должны думать о нарядах и украшениях, а не о преступлениях, – говаривала она.

Я мечтала о том времени, когда девушки смогут носить наряды и пользоваться косметикой – или не пользоваться косметикой и наряжаться в джутовые мешки, если им этого хочется, – при этом заниматься выбранной ими профессией, и их выбор не будут считать «преступлением».

Дядя внезапно отпрянул назад и чихнул. В моей голове тут же возникли мысли о заражении болезнями, передающимися по воздуху. Целую минуту я старалась взять себя в руки. Страхи отца не станут моими страхами и не помешают мне делать то, что необходимо.

Дядя щелкнул пальцами и указал на один из четырех хирургических ножей, лежащих на металлическом подносе. Я хватала и подавала ему эти инструменты, а потом брала их у него и погружала в спирт после того, как он мне их возвращал. Когда настал момент удалять органы, я подготовила отдельные подносы и банки для образцов еще до того, как дядя их потребовал.

Я хорошо знала свое дело.

Он что-то проворчал, выражая одобрение, затем взвесил по очереди обе почки.

– Левая почка весит примерно сто тридцать семь граммов, – Томас записал эти сведения и быстро сосредоточился на дальнейших высказываниях дяди. Он молчал, когда был поглощен работой, и совершенно не замечал моего присутствия, словно я была предметом мебели, пока во мне не нуждались. – Правая несколько маловата, она весит около ста девятнадцати граммов.

Дядя отделил маленькую частицу каждого органа и положил в чашки Петри для дальнейшего изучения. То же он проделал с сердцем, печенью, кишками и мозгом. Чистый белый фартук дяди постепенно покрывался пятнами крови, но он методично мыл руки после каждого среза, чтобы не загрязнить улики.

Нет доказательств того, что такое загрязнение может произойти, но у дяди на этот счет свои собственные теории.

– Будь проклято это консервативное общество! – орал он. – Я знаю то, что я знаю.

По внешнему виду он не сильно отличался от мясника. Полагаю, даже умершие люди были для него всего лишь животными, которых разделявают во имя науки, а не ради пропитания.

Все выглядит одинаково, если снять верхние слои.

Я чуть не рассмеялась вслух своим абсурдным мыслям. Два раза в год тетушка Амелия и кузина Лиза гостили у нас. Целью их визита – отчасти – было ввести меня в общество девушек моего возраста, для чего они устраивали пышные чаепития. Тетушка Амелия надеялась, что потом я буду продолжать посещать их уже без нее, но я положила этому конец. Девушки, которые приходили на чай, не понимали моих мыслей, и именно поэтому я отклоняла их приглашения в последние несколько месяцев. Я ненавидела жалость в их глазах и не представляла себе, как объяснить им мои вечерние занятия.

Некоторые из них считали непристойным погружать нож от масла в лимонный крем. Как бы они ужаснулись, если бы увидели, как мой скальпель исчезает в окровавленной ткани!

Что-то холодное и мокрое просочилось сквозь мои подошвы. Я не заметила лужу крови, в которой стояла. Я быстро принесла мешок опилок и рассыпала их по полу; они напоминали тонкий слой желто-коричневого снега. Мне надо будет избавиться от своих туфель до того, как я вернусь домой – незачем пугать мою совсем недавно появившуюся камеристку больше, чем обычно, когда я прихожу домой после дневной работы в брызгах крови.

Дядя щелкнул пальцами, возвращая меня к насущным задачам.

После того как я продезинфицировала пилу для костей, которой дядя вскрывал череп, и положила ее обратно на полку, вскрытие было закончено. Дядя Джонатан сшил тело, как ловкий портной, только он работал с плотью вместо ткани. Я наблюдала, как V-образный разрез, который он сделал, превращается из темно-красной линии в черный шов.

Краем глаза я увидела, как Томас поспешно рисует труп в его окончательном виде. Его карандаш сновал по бумаге то быстрее, то медленнее. Мне пришлось нехотя признать, что его рисунок действительно очень хорош. Те подробности, которые он уловил, помогут нам в расследовании, когда тело увезут обратно в морг.

– Ты узнаешь покойницу, Одри Роуз?

Мое внимание резко переключилось на дядю. Он снимал свой фартук и смотрел мне прямо в глаза. Я прикусила губу, всматриваясь в изуродованное лицо женщины. Мне чудилось в нем что-то знакомое, но я все равно не узнавала ее. Я медленно покачала головой, сдаваясь.

– Она служила у вас в доме. Очень недолго.

Чувство вины вонзило в меня когти – я все еще не узнавала эту бедную женщину. Что за безобразие – не обратила внимания на человека из собственного дома. Мэри Энн заслуживала лучшего отношения и с моей стороны, и со стороны всего мира. Я почувствовала себя очень виноватой. Дядя повернулся к раковине.

– Должно быть, ты в то время болела.

Томас тут же насторожился, всматриваясь в меня в поисках признаков остатков болезни. Как будто ему не все равно. Наверное, он встревожился, что это может представлять какую-то потенциальную опасность для него самого. Лицо мое горело, и я занялась образцами.

– Что каждый из вас узнал из нашего небольшого сегодняшнего опыта? – прервал мои мысли дядя Джонатан, намыливая руки и предплечья куском карболового мыла. – Появились какие-нибудь интересные гипотезы?

Я ухватила за возможность высказать свое мнение сейчас, когда нас не окружают студенты. Отчасти я радовалась случаю изложить свои теории в присутствии Томаса. Я хотела, чтобы он увидел, что не у него одного есть интересные мысли.

– Тот, кто виновен в этом убийстве, наверное, получил какое-то образование в области медицины, – сказала я. – Возможно даже, он изучал патологическую анатомию. Или, по крайней мере, он учился хирургии.

Дядя кивнул:

– Хорошо. Говори дальше.

Вдохновленная одобрением дяди, я обошла вокруг труп.

– Возможно, ее схватили за лицо, потом нанесли удар, от которого она лишилась чувств, – я вспомнила о разрезах и о тех местах на теле, где имелись раны. – И еще, возможно, ее перенесли в другое место. Нашему убийце нужно было время, чтобы провести свою операцию без помех.

Когда я представила себе, как нашу бывшую служанку избили, затем оттащили в какой-то заброшенный подвал или в другое сырое, темное место, у меня по всему телу побежали мурашки, словно кладбищенские черви. Хотя я ее и не помнила, сама мысль о том, что она жила, дышала, работала в моем доме, заставляла меня чувствовать себя в каком-то смысле ответственной за нее. Я хотела помочь ей теперь, после смерти, раз уж не смогла помочь при жизни. Может быть, она до сих пор была бы жива и имела достойную работу, если бы у меня хватило смелости сопротивляться хронической потребности отца менять слуг каждые несколько недель.

Мои опущенные руки сжались в кулаки. Я отказывалась, решительно отказывалась позволить продолжать так жестоко относиться к женщине. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы раскрыть это убийство, ради мисс Николс. И ради всех других лишенных права голоса девушек и женщин, которых игнорирует общество.

Мама поступила бы так же.

Все другие мысли вытеснила из моей головы та ужасная реальность, с которой мы столкнулись.

– Наверное, он перерезал ей горло в таком месте, где большое количество крови не привлекло бы внимания. Возможно, он отнес ее на бойню и сделал это там.

Томас фыркнул, стоя рядом с трупом. Я резко обернулась, чтобы наградить его заслуженно гневным взглядом, одновременно развязывая тесемки фартука со всей злостью, какую сумела вложить в это действие, а потом швырнула фартук в бак для грязного белья. Я чувствовала, что мое лицо снова покраснело, но надеялась, что он не поймет истинной причины этого румянца.

– Что в этом смешного, мистер?..

Он сделал серьезное лицо и встал.

– Мистер Томас Кресуэлл, к вашим услугам, мисс Уодсворт, – слегка согнувшись в шутовском поклоне, он выпрямился во весь свой высокий рост и улыбнулся. – Я нахожу это смешным, потому что для нашего убийцы это слишком большая работа. Тащить ее на бойню после того, как он позаботился одним ударом лишить ее чувств... – он поцокал языком. – Это кажется совершенно лишним.

– Простите, но вы не...

Томас закрыл журнал, в котором делал зарисовки, и обошел вокруг трупа, грубо перебив меня:

– Особенно если он мог легко расчленив ее у реки, и все улики смыло бы, ему даже не пришлось бы пачкать руки. Не говоря уже о грязи, – он указал на ее испачканные ботинки, – которая засохла на ее каблуках.

Я сморщила нос, будто в воздухе запахло чем-то похуже гниющей плоти. Меня очень огорчило, что я упустила связь между грязью на ее ботинках и грязными берегами реки. Еще больше меня раздосадовало то, что Томас ее не упустил.

– Дождя не было почти неделю, – продолжал он, – а возле Темзы множество темных уголков, из которых может выбирать Кожаный фартук.

– Вы только что утверждали, будто смешно предполагать, что он убил ее на бойне, – прищурилась я. – Теперь вы называете его Кожаным фартуком?

– Я имел в виду его прозвище, Кожаный фартук. Разве вы не видели газету сегодня днем? – Томас изучающе смотрел на меня, словно я была экземпляром, который он бы хотел препарировать для исследования. – Несомненно, выбрать идеальные шелковые туфельки не так важно, как найти кровожадного убийцу. И все же... посмотрите на свои ножки, ваши туфельки все в пятнах крови. Неужели ваш интерес к науке – это всего лишь попытка найти мужа? Тогда я сейчас приоденусь!

Я нахмурилась, а он в ответ сверкнул проказливой ухмылкой.

– Уверен, ваш дядя не будет возражать против того, чтобы прекратить свои исследования и сопровождать нас на прогулках, – с этими словами он повернулся к дяде, – не так ли, доктор Уодсворт? Должен признаться, ваша племянница очень красива.

Я отвела взгляд. Я забыла взять менее нарядные туфли в безумной спешке покинуть свой дом. Но и с этими туфлями все в порядке. Если я предпочитаю надевать их на вскрытие, то это мой и только мой выбор.

Возможно, я именно так и буду делать просто для того, чтобы досадить ему.

– Вы знаете ужасно много о том, что думает убийца, – любезно произнесла я. – Возможно, нам следует изучить, где вы находились в тот вечер, мистер Кресуэлл. – Я с трудом сглотнула, но выдержала его взгляд. Через минуту он кивнул, словно пришел к какому-то выводу насчет меня.

– Если вы собираетесь следовать за мной по ночам, мисс Уодсворт, – тут он бросил быстрый взгляд на мои ноги, – я бы посоветовал вам надеть более практичные туфли.

Я открыла рот для резкого ответа, но мистер Томас Кресуэлл снова перебил меня. Дерзкий глупец.

– Кожаный фартук – так теперь называют нашего убийцу.

Он начал огигать лабораторный стол, потихоньку подбিরаясь все ближе к тому месту, где я стояла. Я хотела попятиться назад, но меня будто затянуло на его орбиту силой притяжения. Он остановился передо мной, черты его лица ненадолго смягчились, и мое сердце забилося быстрее.

Боже, помоги девушке, на которой он остановит свой взор навсегда. Его мальчишеская уязвимость была оружием, мощным и безотказным. Слава богу, что я не из тех девушек, которые теряют голову из-за красивого лица. Ему придется приложить усилия, чтобы завоевать мою симпатию.

– Отвечу на ранее заданный вами вопрос, доктор Уодсворт, – сказал он, отрывая от меня свой взгляд, более серьезным тоном, чем раньше. – Я совершенно убежден, что это лишь начало. Мы столкнулись с началом дела о серийном убийце. Ни один человек с такими навыками хирурга не остановится, совершив всего одно убийство.

Его губы слегка дрогнули, когда он заметил на моем лице изумленное выражение.

– Я знаю, что я бы не остановился. Недостаточно почувствовать вкус теплой крови всего один раз, мисс Уодсворт.

Глава 4

Танец с дьяволом

*Резиденция Уодсвортов, Белгрейв-сквер
7 сентября 1888 г.*

«Кожанный фартук» и «Уайтчепелский убийца» – такими были газетные заголовки последней недели.

Куда бы я ни смотрела, очередной самозванный эксперт в этой области выдвигал новую гипотезу. Детективы-инспекторы показали тело мисс Николс нескольким врачам, и они в основном пришли к тому же выводу, что и дядя Джонатан.

Однако почти все они не согласились с предположением дяди, что на нее напали, когда она стояла. Они все же признали, что горло ей перерезали до того, как нанесли раны в области живота, и тот, кто это сделал, вряд ли теперь остановится.

Жители Ист-Энда боялись выходить из дома после захода солнца, опасаясь, что любая темная фигура может оказаться жестоким убийцей. Проститутки предупредили, чтобы те были очень осторожными, но необходимость платить за жилье не позволяла им совсем уйти с улиц.

Мой отец вел себя хуже, чем всегда: он выходил из себя всякий раз, когда я покидала наш дом. Становилось все труднее выбираться тайком или придумывать своим отлучкам такие оправдания, которые не вызвали бы у него сомнений. Он уволил всех наших служанок и нанял новых, его навязчивый страх, что они заразят всю нашу семью бог знает чем, затмил его рассудок. Не было смысла говорить ему, что новые слуги с большей вероятностью принесут инфекцию, так как они пришли в наш дом извне, из пугающего, зараженного болезнями мира.

Довольно скоро я стала опасаться, что он сам вызовется сопровождать меня повсюду. К сожалению, это означало, что будет почти невозможно посещать занятия у дяди по судебной медицине, хотя мне повезло, что я еще могла ходить к нему в лабораторию.

«Я совершенно уверен, что это только начало». Это мрачное предостережение мистера Томаса Кресуэлла каждый день приходило мне в голову. Мне казалось, что вокруг царит угрожающее затишье перед бурей, и я поймала себя на том, что по ночам моя тревога усиливается. Однако мне было трудно поверить в его теорию. Я и подумать не могла о том, что произойдут новые убийства. Раньше я никогда не слышала о серийных убийцах.

Казалось, Томас ищет еще один повод, чтобы продемонстрировать свои блестящие способности, и мне очень хотелось доказать, что он ошибается, и тем самым завоевать еще большее уважение дяди.

Желание получить одобрение дяди и мое заочное знакомство с мисс Николс послужили причиной того, что я твердо решила помочь раскрыть это дело.

Я пыталась обсудить с братом, что он думает по этому поводу, но он был погружен в свои занятия и не мог уделить мне время. Поэтому у меня оказалось слишком много свободного времени на размышления о смерти и о недолговечности всего живого.

Натаниэль заверил меня, что я не виновата в произошедшем, но его утешение не приносило мне облегчения, когда отец смотрел на меня с таким всепоглощающим страхом. По его мнению, он обязан был защищать меня от всего на свете. В конце концов, мама умерла не тогда, когда выхаживала Натаниэля после скарлатины. Ему не пришлось смотреть, как ее лицо покрывается этой ужасной красной сыпью, и видеть, как набухает ее язык, потому что брат был очень слабым. Ее уже и без того больное сердце остановилось насовсем не из-за того, что Натаниэль принес инфекцию в наш дом.

Я невольно чувствовала себя бесполезной дочерью, убивающей своего отца, которая слишком похожа на свою мать и постоянно напоминает ему о том, что он потерял. Обо всем, что я украла у него в ту ночь, когда сделала первый нормальный вздох после болезни, а мама сделала свой последний вздох.

Я послужила причиной его растущего безумия, и я никогда не разрешала себе забыть об этом. Когда я закрывала глаза, я видела больничных служащих в длинных платьях и накрахмаленных передниках. Их мрачные лица отворачивались от моих пронзительных воплей, когда грудь мамы затрепетала и застыла навсегда. Я стучала обоими кулачками по ее грудной клетке, мои слезы падали на ее красиво расшитый халат, но она больше не шевелилась.

Ни один ребенок двенадцати лет не должен смотреть, как душа матери уходит в бездну. В тот раз я впервые ощутила свое бессилие. Бог предал меня. Я молилась все время, как учила меня мама, и что толку? Смерть все равно забрала ее. Именно тогда я поняла, что буду полагаться на что-то более осязаемое, чем святой дух.

Наука никогда не предавала меня так, как это сделала религия в ту ночь.

Отречение от Святого Отца считалось грехом, а я делала это неоднократно. Каждый раз, когда мой скальпель прикасался к плоти, я грешила – и радовалась этому.

Бог уже не имел власти над моей душой.

В этот вечер мои мысли звучали предательски громко и не хотели утихомириться. Я металась в своей тонкой ночной сорочке, отбрасывала ногами простыни и в конце концов налила себе стакан воды из кувшина на столике рядом с кроватью.

– Будь все проклято.

Сон не собирался приходить ко мне. В этом я была уверена. Мои руки и ноги чесались от желания выбраться из дома и что-то сделать. Или, возможно, мне просто необходимо было вырваться из замкнутого пространства моей комнаты, спастись от горестных мыслей, приходящих с темнотой.

Каждый новый день означал мою очередную неудачу – я не смогла помочь семье мисс Николс обрести покой. Один раз я уже подвела ее и ни за что не подведу опять.

Я сжала кулаки. Я могла поступить разумно и без риска – подождать в лаборатории появления следующей жертвы. Или я могла начать действовать сейчас. Сегодня ночью. Я могла собрать улики, которые, может быть, помогут произвести впечатление и на Томаса, и на дядю.

Чем больше я размышляла об этом, тем больше во мне зрело убеждение в правильности такого решения. Мама обычно говорила: «У роз есть и лепестки, и шипы, мой темный цветок. Не нужно считать что-то слабым, потому что оно выглядит деликатным. Покажи миру свою храбрость».

У мамы было слабое сердце, и ее берегли от физической активности в детстве, однако она находила другие способы доказать свою силу. Нет нужды быть сильным только в физических действиях – сильный ум и воля тоже производят впечатление.

– Ты права, мама, – я прошла по пушистому золотистому персидскому ковру у себя в комнате и обрадовалась холоду твердого дерева, когда мои подошвы ощутили край ковра. Прежде чем я поняла, что делаю, я увидела, что стою перед зеркалом, одетая во все черное. – Настало время для храбрости.

Стянув свои темные волосы в простую косу и заколов ее на макушке, я заправила за уши несколько выбившихся прядей. Платье на мне было простого фасона, с длинными узкими рукавами и маленьким турнюром, из легкого хлопка. Я провела ладонями по груди, наслаждаясь мягкостью и тонкой отделкой одежды.

Я уставилась на темные круги под своими глазами, говорящие о многих бессонных ночах. Болезненная бледность моей кожи резко контрастировала с черной одеждой, и я пощипала себя за щеки, чтобы придать им необходимый розовый оттенок.

Маме никогда не приходилось делать подобные вещи. Ее кожа имела прекрасный медовый оттенок, выдавая ее индусское происхождение, и моя кожа была чересчур сдобренным сливками вариантом ее кожи. Я напомнила себе, что не собираюсь вводить новую моду, я собираюсь быть незаметной. Хотя мою тетюшку обрадовало бы то, что я заинтересовалась своей внешностью.

В моей голове промелькнула непрошенная мысль – ужасная мысль. Томас и дядя находились где-то вне дома в вечер первого убийства... и их интересовало изучение человеческого тела. И Томас откровенно солгал насчет этого. Если я обнаружу, что они делали нечто неподобающее, причинят ли они мне вред? Я рассмеялась, прикрываясь ладонью, чтобы заглушить звук.

Что за смехотворная идея.

Мой дядя не способен на такие поступки. А вот Томас... Я не была в этом уверена, но не захотела продолжать размышлять об этом.

Я представляла себе, что убийца – это лекарь, путешествующий за границей, или человек, работающий вместе с лекарем над поисками органов для изучения. Или, возможно, какой-то состоятельный человек – мужчина или женщина – пожелал дорого заплатить за трансплантацию органа.

Однако эта наука еще не получила широкого распространения. Никому еще не удавалось успешно пересадить орган. В любом случае я очень сомневалась, что Кожаный фартук бродит вокруг, выслеживая уличных женщин. Со мной все будет в порядке под покровом темноты.

Не позволив себе ни минуты колебаний, я быстро прокралась вниз по лестнице, пробралась в гостиную и заперлась на замок. Оглядев пустую комнату, я с облегчением вздохнула. Все было тихо. Я на цыпочках прошла к окнам и открыла то, которое было дальше всех от двери.

Ухватившись двумя руками за подоконник, я оглянулась через плечо, еще раз проверяя замок. Отец спал, и он был не настолько безумен, чтобы проверять по ночам, где я, но при мысли о том, что меня поймают, мое сердце забилося с удвоенной быстротой.

Кровь пульсировала в моих венах от восторга, когда я спрыгнула с высоты нескольких футов и приземлилась на поросший травой участок между камнями. Несколько мгновений невесомости заставили меня почувствовать себя свободной, как птица, парящая в небе.

Я улыбнулась, стаскивая с себя мягкие кожаные перчатки и растворяясь в тени вокруг здания. Отец запер бы меня в старом угольном погребе, если бы знал, что я удрала из дома так поздно, и это придавало моему ночному приключению еще большую привлекательность.

Пусть он обнаружит, что я нахожусь вне дома в такое неподобающее время и что я способна сама о себе позаботиться. Я радовалась возможности не только добыть полезные улики для нашего расследования, но и доказать отцу, что его страхи безосновательны.

Даже если есть вероятность, что безумный потенциальный убийца бродит по городу.

Мой поход начал терять свою привлекательность по мере того, как я шла по сумрачным безлюдным улицам Лондона.

Я не могла взять экипаж так, чтобы отец не узнал о моих недостойных поступках, а после хождения по булыжным мостовым в течение почти часа моя затея начала выглядеть не такой смелой и увлекательной, какой казалась раньше. Я замерзла, а улицы пахли отбросами. Я ощущала покалывание между лопатками, будто от укола иголок. У меня было ужасное чувство, что за мной следят. Я чуть не упала в обморок, когда испуганная старая крыса перебежала мне дорогу.

В конце квартала я услышала какой-то шум и скользнула в ближайший переулок, чтобы меня не увидели. Голоса доносились сквозь густой туман, усиливая ощущение нереальности и без того призрачных улиц. Я считала вдохи и ждала, когда люди пройдут мимо, молясь, чтобы

никто не заглянул в мое укрытие. Ветер щекотал мой затылок, который покрылся гусиной кожей. Мне не нравилось стоять в ловушке между зданиями.

Я не подумала о том, что скажу, если встречу кого-нибудь в такое время. Я думала только о том, что должна посмотреть на пабы, которые мисс Николс посетила перед своей гибелью, и что, возможно, мне удастся узнать какие-то новые факты или улики у тамошних пьяниц и превзойти Томаса Кресуэлла. Наверное, мне следовало подготовиться получше, а не руководствоваться желанием доказать, что я умнее такого несносного, хоть и чертовки талантливого парня.

Я посмотрела сквозь легкий туман на поперечную улицу. Хэнбери. Как я забралась так далеко? Я уже находилась рядом с «Принцессой Алисой», но немного отклонилась в сторону. Следующие несколько улиц должны вывести меня к полям для гольфа Уэнтворт и Коммершел.

Не дожидаясь, пока мимо пройдет подвыпившая парочка, я заставила себя бесшумно, как привидение, проплыть по переулку и пересечь улицу. Мои ноги ступали твердо, хотя сердце билось так сильно, что меня можно было сбить с ног прикосновением перышка. Когда я прошла половину переулка, за моей спиной выкатился камешек. Я резко обернулась, но... ничего не увидела.

Ни убийцы с серпом, ни пьяного завсегдатая баров – только пустое темное пространство между домами. Должно быть, это крыса пробиралась по отбросам.

Я постояла еще несколько мгновений, выжидая; сердце билось о ребра, как рыба, выдернутая из воды. Я боялась, что за моей спиной окажется чудовище, которое дышит своим зловонным дыханием мне в шею, если я обернусь, поэтому я закрыла глаза. Почему-то легче справиться со страхом, когда ничего не видишь. Однако было глупо, очень глупо так вести себя. Если делать вид, что чудовища там нет, это не заставит его уйти. Это только сделает человека уязвимым для нападения.

Я внимательно прислушалась. Не услышав других звуков, я быстро пошла дальше, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что там никого нет.

Увидев перед собой оживленный паб, я глубоко вздохнула. Я скорее была готова рискнуть встретиться с пьяными скандалистами, чем с крадущимися ночными тенями. Кирпичное здание высотой в три этажа выделялось среди других домов на углу двух улиц фасадом треугольной формы.

Шум и звон, стук тарелок и стаканов доносились из распахнутой двери вместе с пьяным смехом и словами, не подходящими для ушей леди. Прикусив нижнюю губу, я рассматривала посетителей: некоторые из них отличались очень неприятной внешностью.

Я пересмотрела свое мнение по поводу боязни теней.

Некоторые мужчины были покрыты сажей, у некоторых по краям закатанных рукавов виднелись пятна крови. Мясники и фабричные рабочие. Их узловатые руки говорили о тяжелом труде, а грубый выговор – о нищете. Мои хрупкие аристократические косточки выделялись даже в самом простом из платьев. Я проклинала корсаж и изящные швы, заметные даже в темноте, и подумывала, не повернуть ли назад.

Но отказалась признать себя побежденной с такой легкостью из-за страха или хорошо сшитой одежды.

Распрямив плечи, я сделала один гигантский шаг к толпе, но тут меня потащила назад какая-то невидимая сила. Я открыла было рот, чтобы закричать, но большая ладонь быстро заставила меня замолчать, обхватив нижнюю часть лица.

Хватка была не сильной, но не позволяла мне раскрыть рот и укусить нападающего. Я ляглась и вырывалась, но напрасно. Единственное, что у меня получилось, – это запутаться в своих проклятых юбках и упасть на агрессора, позволив ему с еще большей легкостью осуществить преступный замысел. Я оказалась во власти этого невидимого демона, не в силах вырваться из его сверхъестественной хватки.

– Пожалуйста, не кричите, вы все испортите, – в его голосе было слишком много насмешки, учитывая ситуацию. По крайней мере, он не был привидением. Я боролась изо всех сил, выворачивалась и бодала его головой в грудь. Если бы он не был таким высоким, я бы могла попасть ему по голове. – Мы тихо отойдем в одно место. Потом сможем поговорить. Хорошо?

Я медленно кивнула, приводя в порядок разбегающиеся мысли. Этот голос показался мне почему-то знакомым. Он мягко оттащил меня в тень, наши тела были самым неприличным образом прижаты друг к другу, и, хотя мне показалось, что я узнала его голос, я не облегчала ему задачу. Я была готова показать ему, что моя мать была права и у роз есть не только лепестки, но и шипы.

Вонзая в него каблуки, я лягала его и пыталась расцарапать ему руки, но добила не многого. Мы свернули в проход между домами, обмениваясь ударами, и он охнул, когда мой локоть врезался ему в живот. Хорошо. Если я сейчас погибну, то, по крайней мере, испытаю удовлетворение от того, что ранила этого грубияна. Но победа была кратковременной: мои пышные юбки срывали любые попытки убежать, и чудовищный туман в конце концов поглотил нас целиком.

Когда мы оказались достаточно далеко от паба и от шеренги газовых фонарей вдоль мощенных булыжником улиц, мой похититель отпустил меня, как и обещал. Грудь моя вздымалась от страха и ярости. Приготовившись к битве, я резко обернулась и заморгала, не веря своим глазам.

Томас Кресуэлл стоял, скрестив на груди руки, и хмурил свое красивое лицо. Он тоже был одет во все черное, а его голову закрывала низко натянутая кепка. Его профиль отбрасывал резкую тень в тусклом свете.

Его окружала почти опасная аура, которая предостерегала, что надо держаться от него подальше, но меня бы сейчас это не остановило – гнев кипел у меня в жилах. Я готова была убить его.

– Вы совсем сошли с ума? Разве это было необходимо? – сердито спросила я, упираясь кулаками в бока, чтобы не задушить его. – Вы не могли просто попросить меня последовать за вами! И что это вы тут делаете, в такое позднее время на темных улицах?

Он настороженно посмотрел на меня, потом провел ладонью по своему усталому лицу. Я бы подумала, что он обеспокоен, если бы не была уверена, что это не так.

– Я мог бы спросить вас о том же, мисс Уодсворт. Но я предпочитаю предоставить это вашему брату.

– Моему... – я не успела закончить фразу, как появился Натаниэль, подобно Призраку Прошлого Рождества, и вид у него был очень недовольный. Я потеряла дар речи, в кои-то веки.

Натаниэль кивнул Томасу, потом грубо схватил меня за локоть и потащил глубже в тень, чтобы никто не мог услышать. Я вырвалась и обернулась, гневно глядя на него, но внимание Томаса было приковано к моей руке, которую сжимал Натаниэль: он смотрел на нее, стиснув зубы. Его реакция так меня поразила, что я покорно подчинилась брату.

– Прощу тебя, избавь меня от своих смехотворных историй, сестра, – хрипло прошептал Натаниэль, когда мы отошли на достаточное расстояние. – Я даже знать не хочу, почему ты решила, что можешь бродить по темным улицам, когда убийца отслеживает женщин. Ты почему-то желаешь себе смерти?

У меня создалось впечатление, что это был риторический вопрос. Я молчала, теребя пальцами ткань юбки. Мне хотелось сбросить его грубую руку с локтя, который он слишком сильно сжимал. Мне также хотелось выругать его за излишне покровительственное отношение, как у отца, и закатить истерику.

Но я не решилась ни на то, ни на другое.

Натаниэль отпустил меня, потом стал натягивать свои тонкие кожаные перчатки, пока его лицо постепенно не приобрело более естественный цвет, а не ярко-красный оттенок мундира королевской гвардии.

Он вздохнул и провел рукой по своим светлым волосам.

– Достаточно и того, что я потерял маму, – у него сорвался голос, и он закашлялся, чтобы скрыть эмоции, потом выхватил свой гребень из кармана пальто. – Не жди, сестренка, что я буду сидеть и смотреть, как ты безрассудно рискуешь жизнью. – Его глаза с вызовом смотрели на меня, словно он ждал от меня глупого ответа. – Меня бы это погубило. Понимаешь?

Мой гнев испарился так же быстро, как вспыхнул. В последние пять лет мы вдвоем будто стояли против целого мира. Отец был слишком погружен в печаль, его словно и не существовало. Ставя себя на место Натаниэля, я видела, как разобьются вдребезги мои чувства, если я его потеряю.

– Мне очень жаль, что я заставила тебя волноваться, Натаниэль. Правда, – я совершенно искренне просила у него прощения. Затем меня поразила одна мысль. Я прищурилась. – Могу я спросить, почему ты бродишь по темным переулкам вместе с этим дьяволом, мистером Кресуэллом?

– Если хочешь знать, – ответил Натаниэль несколько свысока, поправляя воротник, – мы здесь не одни.

Это меня очень заинтересовало. Я приподняла брови, и ждала, а мой брат окинул взглядом пустырь вокруг нас.

– Мы с группой друзей проводим свое собственное расследование. Мы расставили посты по всему Уайтчепелу и высматриваем подозрительных личностей. Мы называем себя «Рыцари Уайтчепела».

Я заморгала. Единственными людьми, которые выглядели совершенно неуместно здесь, были мой разодетый брат и его смехотворный лакей в шляпе. Могу себе представить, как смотрелись остальные мальчики из высокородных семейств в этом районе.

– «Рыцари Уайтчепела», – повторила я. Брат был не способен причинить боль даже обычной мухе. Невыносимо было даже думать о том, что может сделать с ним какой-нибудь дьявольский убийца здесь, в темноте. – Ты это не серьезно, Натаниэль? Что ты станешь делать, если столкнешься лицом к лицу с этим убийцей? Предложишь ему серебряный гребень или французского вина?

На лице брата появилось мрачное выражение.

– Ты бы удивилась, узнав, на что я способен, если возникает необходимость, – Натаниэль скрипнул зубами. – Он вскоре узнает, что не он один способен внушать страх. А теперь, – он повел меня назад, по проходу к одинокой фигуре, стоящей в его конце, – мистер Кресуэлл позаботится о том, чтобы ты благополучно добралась домой.

Меньше всего мне хотелось, чтобы меня провожал домой Томас Кресуэлл. Он и так очень самодоволен.

– Если ты остаешься здесь, то и я останусь.

Я упиралась ногами, отказываясь двигаться, но Натаниэль просто тащил меня за собой, словно я была сделана из перьев.

– Нет, не останешься, – он передал меня моему соученику. – Поедете в экипаже до моего дома, Томас. Я вернусь домой пешком позже.

Если Томаса и раздражало то, что Натаниэль им командует, словно обычным слугой, он не подал виду. Он просто стиснул мое предплечье своими длинными пальцами, будто взял на привязь. Мне очень не понравилось то, как быстро забилося мое сердце от его прикосновения, но я не сопротивлялась, не пыталась вырваться. Я украдкой бросила на него взгляд и заметила усмешку на его лице.

Он не сжимал мою руку так, словно я была непослушным ребенком, которого необходимо наказать; вместе этого он принял меня из рук Натаниэля с таким видом, будто это его надо спасать. Давно пора хоть кому-то заметить, что я способна сама о себе позаботиться. Даже если этот кто-то – возмутительный мальчишка. Умный, наглый, красивый мальчишка. Я постаралась выпрямиться, и Томас рассмеялся – восхитительным, рокоchущим смехом, который я бы не возражала услышать еще. Брат соблаговолил подарить мне последний взгляд.

– Не забудь положить палку на тот подоконник в гостиной, – он широко улыбнулся в ответ на убийственный взгляд, которым я его наградила. – Прости, сестричка, но я действительно считаю, что с тебя на один вечер хватит приключений. Считай, что тебе повезло, – сегодня ты встретила только нас двоих, а не кого-то более опасного.

– Пойдемте, – сказал Томас и повел меня к карете. – Ваш брат прав. В этой тени таится какое-то зло.

Я обернулась и посмотрела на него.

– Хуже, чем вы?

Томас открыл рот, потом уловил мой насмешливый тон и рассмеялся. От его смеха мое сердце опять стремительно забилося. Возможно, это он был самым опасным из всех, кого я могла здесь встретить, а мой брат и не подозревал об этом. Одно постепенно становилось понятным: мне грозила опасность проникнуться восхищением к мистеру Кресуэллу вопреки собственному здравому смыслу.

Я поискала взглядом брата, но его уже поглотил туман.

Глава 5

Мрачные и омерзительные вещи

*Резиденция Уодсвортов, Белгрейв-сквер
8 сентября 1888 г.*

– Ты сегодня утром неважно выглядишь, – отец бросил на меня взгляд поверх газеты. – Возможно, тебе следует снова лечь в постель. Я пришлю наверх бульону. Нам вовсе ни к чему, чтобы ты свалилась с гриппом или чем-то похуже. Особенно в преддверии зимы.

Он опустил газету и вытер лоб носовым платком. Из всех членов нашей семьи отец был единственным, кто выглядел неважно. Он в последнее время сильно потел.

– Ты... ты хорошо себя чувствуешь, отец? Ты выглядишь немного...

– Тебя не касается, как я выгляжу, – резко перебил он, но тут же опомнился. – Не нужно беспокоиться о моем здоровье, Одри Роуз. Занимайся собой. Я бы очень хотел, чтобы ты некоторое время не покидала дома. Я слышал, что в трущобах растет уровень заболеваемости.

Отец влил несколько капель тонизирующего средства в чай и продолжил читать новости. Мне хотелось напомнить ему, что я не стану здоровее, если не приобрету иммунитет, единственный способ получить который – это выйти из дома, но отец не выносил моих научных и медицинских познаний. Он считал самым безопасным держать меня под стеклянным колпаком, какой бы ложной ни была эта концепция.

Отец пил чай маленькими глоточками; его присутствие заполняло комнату, но не согревало ее. Я бросила взгляд на часы. Вскоре мне предстояло встретиться с дядей. Натаниэль еще спал, поэтому мне надо было самой выбираться из дома.

Я вежливо откашлялась.

– Мне нужны новые платья и туфли, – я опустила глаза и смотрела сквозь ресницы, делая вид, будто смущена, – и другие, более деликатные вещи...

Отец отмахнулся от меня, он терпеть не мог разговоров о корсетах и нижнем белье, несмотря на опасения по поводу моего слабого здоровья. Он вытер нос тем же носовым платком, потом вернул его в карман.

– купи все, что тебе нужно, – сказал он. – Но возвращайся домой к ужину вовремя и не опаздывай на урок по ведению домашнего хозяйства. Тетушка говорит, что ты не продемонстрировала больших успехов, когда она приезжала в последний раз.

Я подавила желание закатить глаза, настолько он был предсказуем.

– Да, папа.

– Да, – сказал он, еще раз вытирая лоб, – и надень сегодня маску, когда выйдешь из дома. Ходят слухи о новых случаях заболеваний в Ист-Энде.

Я кивнула. Эта «маска» представляла собой всего-навсего хлопчатобумажный платок, которым я закрывала нос и рот. Сомневаюсь, чтобы он мог защитить меня от чего бы то ни было. Довольный моим послушанием, отец вернулся к чтению, и беседу продолжили лишь стук его чашки о блюде, сопение и шелест переворачиваемых страниц.

«КОШМАРНОЕ УБИЙСТВО В УАЙТЧЕПЕЛЕ»

Я прочла этот заголовок дяде, пока он расхаживал мимо банок с образцами в своей подвальной лаборатории. Обои темно-красного цвета обычно служили теплым фоном, смягчающим холод подвала и еще более леденящий холод трупов, почти всегда украшавших столы в лаборатории.

Однако сегодня красный цвет напоминал мне о пролитой крови, а я в последнее время была сыта ею по горло. Я потерла ладонями свои руки под тонкими рукавами муслинового дневного платья и еще раз пробежала глазами статью. В ней не упоминалось о новом трупе, найденном этим утром; описывали подробности гибели бедной мисс Николс. Убийца мило-сердно обошелся с ней по сравнению с его жестокими издевательствами над жертвой номер два.

Я смотрела, как дядя рассеянно крутит свои усы, изо всех сил стараясь протоптать дорожку в ковре. Если он продолжит ходить туда-сюда, опасалась я, он скоро протрет ковер насквозь, до деревянных досок пола.

– Зачем придавать телу такую позу?

Этот вопрос он задавал себе с тех пор, как вернулся с места последнего убийства больше двух часов назад. Я не могла предложить ему никакой гипотезы. Я до сих пор старалась выбросить из головы ту ужасающую схему, которую он недавно нарисовал на грифельной доске.

Мои мысли, замороженные этой невообразимо кровавой картиной, все время невольно возвращались к тому изуродованному телу, которое он нарисовал.

Я всматривалась в слова, нацарапанные над подробным рисунком. Энни Чапмен, сорок семь лет. Рост примерно пять футов. Голубые глаза. Темно-каштановые выющиеся волосы до плеч. Целая жизнь, уместившаяся в пяти основных характеристиках ее внешности.

Ее убили на Хэнбери-стрит. На той самой улице, где я бродила вчера поздно ночью. Меня до самых костей пробрал холод, он угнездился между моих позвонков, как голуби усаживаются на бельевой веревке.

Всего несколько часов отделяли ее безвременную кончину от моего танца со смертью. Неужели убийца был так близко от меня? Натаниэль тревожился не зря: я буквально бежала прямо в жаждущие руки Кожаного фартука, когда пыталась тайком бродить по улицам и искать убийцу.

Если бы со мной что-нибудь случилось, отец лишился бы остатков рассудка, заперся бы от всех в своем кабинете и умер из-за разбитого сердца.

– А что значат эти кишки, которые он выложил ей на плечо? – дядя остановился перед рисунком и смотрел куда-то мимо него, вспоминая то, что не было изображено на нем. – Это было послание инспекторам или самый простой способ добраться до того органа, который ему нужен?

– Может быть, – сказала я.

Дядя повернулся ко мне, изумленный, словно забыл, что я здесь. Потом покачал головой.

– Бог знает, почему я разрешаю тебе изучать такие неподходящие для девушек вещи.

Иногда дядя высказывал с раздражением нечто в этом роде. В большинстве случаев я научилась не обращать на это внимания, зная, что он быстро забудет свои колебания.

– Потому что ты меня любишь?

Дядя вздохнул.

– Да. И еще мне кажется, такой ум, как у тебя, не следует расходовать зря на мысли о побрякушках и сплетни.

Я снова сосредоточилась на рисунке. Описание той женщины, которая недавно снимала с меня мерки, почти в точности совпадало с приметами этой покойницы.

Чтобы подтвердить отцу, что я действительно ходила выбирать одежду, я по дороге зашла в ателье, выбрала лучшие ткани и новые фасоны и договорилась, чтобы их прислали ко мне домой. Я остановила свой выбор на прогулочном платье темно-синего цвета с золотистыми и кремовыми полосками.

Турнюр был меньше, чем на других платьях, и плотный материал идеально подходил для прохладной погоды. Больше всего мне понравилось вечернее платье, которое я выбрала для приема гостей. Оно было из ткани цвета сахарного сиропа, в мелких розочках, вышитых спе-

реди. Нежно-розовая накидка, каскадом спускающаяся до полу, дополняла свободно сидящее платье.

Если честно, я дожидаться не могла, когда они будут готовы. То, что я изучала трупы, не означало, что я не ценю красивые наряды. Мои мысли вернулись к насущным делам. Если бы у портнихи не было достойной работы, она вполне могла бы оказаться в конце концов на улице, а потом и в лаборатории дяди.

Еще одним холодным трупом для вскрытия.

Я прошла через комнату к тому месту, где стоял маленький столик в углу; служанка недавно принесла туда поднос с чаем и блюдом лепешек с малиновым джемом. Я налила себе чашку чая «Эрл Грей», положила кусочек сахара затейливо украшенными сахарными щипчиками – сама эта роскошь в сочетании с новым ужасным убийством вызывала тошноту.

Я налила вторую чашку для дяди, но не притронулась к лепешкам. Кроваво-красный цвет джема вызывал у меня отвращение, я боялась, что больше никогда не почувствую голода.

Дядя рывком вернулся в реальность из своей задумчивости, когда я протянула ему дымящуюся чашку. Сладкий запах чая с бергамотом на несколько драгоценных мгновений отвлек его внимание, но потом он продолжил ходить по комнате и бормотать себе под нос.

– Где этот чертов мальчишка?

Он машинально бросил взгляд на бронзовые часы в форме сердца, висящие на стене, раздраженно морща лоб. Трудно сказать, что вызвало у него большее раздражение – сами часы или Томас Кресуэлл.

Эти часы ему подарил мой отец в те давние времена, когда он хорошо относился к дяде, после получения им диплома врача. Отец раньше, когда мама была жива, мастерил игрушки и часы – еще одна радость, которую отняла у него мамина смерть.

Я отвернулась от религии из-за ее неспособности помочь в беде, а отец – от брата и от науки за то, что они не сумели спасти маму. Когда она умерла, отец заявил, что дядя не приложил всех необходимых усилий.

И наоборот, дядя считал, что отец слишком уж надеялся на чудо, которого он не мог сотворить, и глупо обвинять его в смерти мамы. Я и представить себе не могла, что можно так ненавидеть брата, и жалела их обоих за эту вражду.

Я стала считать минуты. Томас вышел час назад, чтобы повидаться с членами своей группы ночных наблюдателей. Дядя надеялся, что кто-то из них мог заметить нечто подозрительное, потому что они несли дозор – словно мальчишки, играющие в средневековых рыцарей, – по всему Уайтчепелу до четырех часов утра.

Лично я считала, что Томас уже знал бы, если бы они что-то увидели. В этом состоял весь смысл организации их маленького отряда.

Прошло еще полчаса, а мистер Кресуэлл все еще не вернулся, и дядя буквально сходил с ума от беспокойства. Казалось, даже трупы и вещи вокруг нас затаили дыхание, чтобы не будить спящую внутри него тьму. Я любила и уважала дядю, но его страстность часто граничила с безумием, когда он нервничал.

Через десять минут дверь открылась, и в проеме появился высокий силуэт Томаса. Дядя буквально совершил прыжок через всю лабораторию, в его глазах горело бешеное желание узнать обо всем. Клянусь, если бы я хорошенько всмотрелась, я бы увидела пену в уголках его губ. Когда он впадал в такое состояние, легко было понять, почему некоторые люди (в том числе мой брат) считают его безумным.

– Ну что? Какие новости ты принес? Кто что узнал?

Слуга помог Томасу снять длинное пальто и шляпу и ушел наверх по узкой лестнице. Люди, не интересующиеся криминалистикой, никогда не задерживались внизу надолго. Слишком много темных и уродливых предметов хранилось в стеклянных банках и на каменных плитах.

Перед тем как ответить, Томас посмотрел на рисунок на доске, намеренно избегая смотреть в сторону дяди.

– Боюсь, никто не видел и не слышал ничего необычного.

Я прищурилась. Похоже, Томаса не очень огорчила эта новость.

– Тем не менее, – прибавил он, – я поговорил с полицейскими инспекторами, которые вели расследование, каким бы оно ни было жалким. Один шутник засыпал меня вопросами о вашей работе, но я ему не слишком много рассказал. Он сказал, что, возможно, зайдет к вам позже сегодня вечером, – Томас покачал головой. – Возле тела были разбросаны всякие винтики и инструменты. И... объявилось несколько свидетелей.

– И? – резко втянул воздух дядя.

– К сожалению, лучшее описание дала женщина, которая видела человека только со спины. Она утверждает, что эти двое разговаривали, но она разобрала только, что покойница на что-то дала согласие. Так как она была проституткой, я уверен, вы сами можете дополнить зловещие детали разговора.

– Томас! – дядя бросил взгляд в мою сторону, и только тут мой соученик заметил, что я нахожусь в комнате. – Здесь юная леди!

Я закатила глаза. Конечно, дядя Джонатан тревожится о том, что проституция – слишком опасная тема для моих женских мозгов, но его ничуть не заботит то, что я вижу вскрытый труп еще до того, как успела съесть ланч.

– Искренне прошу прощения, мисс Уодсворт. Я не заметил, что вы здесь, – Томас – просто грязный лжец. Он склонил голову к плечу, и лукавая улыбка тронула уголки его губ, будто он проник в мои мысли. – Я не хотел вас оскорбить.

– Я вовсе не оскорбилась, мистер Кресуэлл, – я одарила его язвительным взглядом. – Напротив, я крайне возмущена тем, что мы вообще обсуждаем подобные глупости, когда еще одну женщину убили с такой жестокостью.

Я перечислила, загибая пальцы, все детали повреждений, чтобы подчеркнуть свою точку зрения:

– Вспорот живот, и кишки выброшены на плечо. Ноги подняты вверх, колени повернуты наружу. Не говоря уже об отсутствующих органах размножения.

– Да, – Томас кивнул в знак согласия, – это было очень неприятно, я с вами согласен.

– Вы говорите так, будто сами были свидетелем этого, мистер Кресуэлл.

– Может быть и так.

– Томас, пожалуйста, – упрекнул его дядя. – Не зли ее.

Я обрушила свое раздражение на дядю.

– Пожалуйста, давайте и дальше терять время в разговорах о моем потенциальном смущении по поводу ее профессии. Что ты имеешь против проституток, в любом случае? Не ее вина, что общество так несправедливо к женщинам.

– Я ... – дядя Джонатан сделал шаг назад и приложил ладонь ко лбу, будто мог стереть мою тираду несколькими поглаживаниями ладони. Томас имел наглость подмигнуть мне поверх края чашки с чаем, которую сам себе налил.

– Очень хорошо, – он с нарочито высоко поднятыми бровями посмотрел на дядю. – Эта юная леди победила, доктор. С этого момента я буду делать вид, что она не уступает мужчине в способностях.

Я еще более гневно посмотрела на него.

– Будете делать вид, что я не уступаю мужчине в способностях? Однако, сэр, вы меня очень невысоко цените!

– А также, – продолжал он раньше, чем я успела взорваться, и поставил свою чашку на белое с голубым блюдце из такого же стаффордширского фарфора, – раз мы теперь относимся друг к другу как равные, я настаиваю, чтобы вы называли меня «Томас» или «Кресуэлл». Таким

равным во всем людям, как мы, не нужны глупые формальности, – он одарил меня улыбкой, которую можно было бы счесть игривой.

Чтобы оставить за собой последнее слово, я вздернула подбородок.

– Если вы этого хотите, тогда разрешаю называть меня «Одри Роуз». Или «Уодсворт».

Дядя поднял глаза к потолку, встал и тяжело вздохнул.

– Тогда вернемся к убийству, – сказал он, вынимая очки из кожаного чехла и надевая их на нос. – Что еще у вас есть для меня, кроме перспективы убийственной головной боли?

– У меня есть новая гипотеза насчет того, почему это убийство было более жестоким, чем предыдущее, – медленно произнесла я; в моем мозгу встал на место новый кусочек головоломки. – Мне пришло в голову, что эта сцена наводит на мысли о... мести.

На этот раз я завладела их вниманием, как если бы была трупом, тайны которого нужно разгадать.

– На занятии вы сказали, что тот, кто убивает в первый раз, вероятнее всего, начнет с убийства знакомого человека. – Дядя кивнул. – А что, если убийца знал мисс Николс и не смог проявить к ней такую жестокость, на какую надеялся? Словно он хотел осуществить месть, но не мог заставить себя это сделать, когда настало время действовать. Мисс Николс не была так зверски изувечена, как Энни Чапмен, и это наводит меня на мысль, что наш убийца не был знаком с мисс Чапмен.

– Интересная теория, племянница, – дядя рассеянно погладил свои усы. – Возможно, Мэри Энн убил ее муж или мужчина, с которым она жила.

Томас перенял любимую привычку моего дяди ходить по комнате широкими кругами. При каждом его движении в воздухе распространялся запах формалина и бергамота, и этот аромат был одновременно тревожным и успокаивающим.

– Но зачем он забирает их органы? – бормотал он себе под нос. Я молча наблюдала, как вращаются со скрипом шестеренки в его мозгу. Изучать его было увлекательно, как бы мне ни было неприятно это признать.

Он щелкнул пальцами, будто увидел луч света, прорезавший тьму.

– Он сильно ненавидит женщин, они что-то для него символизируют, или причина в его прошлом. В какой-то момент его жизни женщина глубоко его разочаровала.

– Зачем нападать на проститутку? – спросила я, не обращая внимания на дядю, которого передернуло от неподобающего выбора слова.

– Во-первых, это легкие жертвы с точки зрения возможности нападения. И еще они охотно идут за мужчинами в темные места, – Томас подошел ближе и на короткое мгновение обратил на меня внимание, проходя мимо меня к труп. – Может быть, он опасается угрозы, которую они собой представляют. Или, возможно, он какой-то религиозный фанатик, который избавляет мир от шлюх и потаскух.

Дядя ударил ладонями по столу, от чего банка с образцом соскользнула на деревянную поверхность.

– Хватит! Мало того, что не подобает учить Одри Роуз таким вещам, нет нужды употреблять при этом вульгарные выражения.

Я вздохнула. Никогда мне не понять, как работает мужской мозг. Мой пол – не увечье. И все-таки мне повезло, что дядя достаточно современен, чтобы позволить мне учиться у него, поэтому я должна терпеть такие досадные мелочи.

– Прошу прощения, сэр, – Томас прочистил горло, – но я думаю, если ваша племянница может справиться с вскрытием человека, она способна выдержать умную беседу, не падая в обморок. Ее интеллект, хоть и не такой мощный, как мой, может оказаться полезным.

Томас еще раз откашлялся, готовясь к ответному удару дяди, но тот тихо уступил. Я невольно уставилась на него, открыв рот. Он действительно защищал меня! Свойственным ему

раздражающим окольным путем, но тем не менее. По-видимому, не только я почувствовала растущее уважение.

– Хорошо. Продолжай, прошу тебя.

Томас взглянул на меня, потом глубоко вздохнул.

– Он ненавидит этих ночных созданий. Ненавидит за то, что они живут, торгуя собой. Держу пари, что та, кого он любил или любит, его бросила. Возможно, он чувствует, что его предали в каком-то смысле, – Томас снова взял свою чашку с чаем, осторожно сделал глоток и поставил ее обратно. – Меня не удивит, если его жена или невеста покончила жизнь самоубийством – то есть окончательно покинула его.

Дядя, быстро возвращаясь к научному образу мыслей, кивнул.

– Он также считает, что ему позволено брать то, что он хочет. В буквальном смысле слова. Он за это заплатил, в конце концов. На его взгляд, он откровенно говорит этим женщинам, что ему нужно, следовательно, они являются добровольными соучастницами его...

– Убийств, – мой желудок скрутили спазмы тошноты. Какой-то лунатик бежит по улицам и привлекает женщин в ловушки, заставляя соглашаться на то, чтобы их убили. – Возможно, он претворяет в жизнь свою фантазию? – спросила я, размышляя вслух. – Возможно, он пытается играть роль Бога.

Томас так внезапно остановился, что чуть не упал. Он резко развернулся и несколькими короткими шагами пересек комнату. Схватив меня за локти, он поцеловал меня в щеку, от чего я лишилась дара речи и залилась краской.

Я бросила взгляд на дядю, дотронувшись до щеки, но он ничего не сказал о таком неприличном поведении, его мысли были сосредоточены на убийстве.

– Вы – гений, Одри Роуз, – сказал Томас, его глаза горели восхищением. Он смотрел мне в глаза на мгновение дольше, чем позволяла вежливость. – Должно быть, это именно так! Мы имеем дело с человеком, считающим себя неким богом.

– Молодцы вы оба, – глаза дяди сияли, надежда и уверенность вновь вернулись к нему. – Мы нашли возможный мотив.

– И какой же? – спросила я, не вполне понимая, какой мотив они имеют в виду. Мне было трудно думать о чем-то другом, кроме прикосновения губ Томаса к моей щеке и абсурдности нашего разговора.

Дядя глубоко вздохнул.

– Наш убийца использует свои религиозные взгляды, чтобы определять судьбу этих женщин. Меня бы не удивило, если бы он оказался неким тайным сектантом, или, может, он неудавшийся священник, убивающий во имя Господа.

На сердце у меня стало тяжело, когда я осознала сказанное.

– Это значит, что могут быть новые жертвы – и еще больше крови до того, как все это закончится.

Дядя затравленно посмотрел на Томаса, потом на меня. Слова были лишними.

В Скотленд-Ярде посмеялись бы над нами и отправили в сумасшедший дом, если бы мы пришли к ним с этой теорией. И кто бы их обвинил? Что мы могли сказать? «Безумный пастор или священнослужитель бродит по городу и убивает потому, что ему так велит Господь, и никто в Лондоне не будет в безопасности, пока мы не найдем способ его остановить»?

Дядя был знаменит, но люди все равно сплетничали у него за спиной. Легко могут поверить, что это он совершает убийства, чтобы разбирать на органы покойников, как какой-то хищный стервятник. Люди будут креститься и молиться, чтобы он мирно дожил свой век в отдаленном месте, предпочтительно в одиночной камере.

Мы с Томасом в общественном мнении были ничуть не лучше.

– Важно никому об этом не рассказывать, – наконец произнес дядя, снимая очки и потирая переносицу. – Ни Натаниэлю. Ни друзьям и одноклассникам. По крайней мере, пока мы

не сможем сами доказать что-то полицейским. А на данный момент я хочу, чтобы вы оба разобрались с теми уликами, которые мы собрали. Среди них должна быть улика, которую мы упустили, – что угодно, что можно использовать для опознания преступника до того, как он снова нанесет удар.

Убийца действительно должен быть безумцем, если он думает, что его преступления оправданы и справедливы. И эта мысль пугала больше всех остальных.

Раздался стук в толстую деревянную дверь, и вошла служанка, которая быстро присела в реверансе перед дядей.

– Мистер Натаниэль Уодсворт ждет вас в гостиной, сэр. Говорит, что должен срочно повидать свою сестру.

Глава 6

Притон греха

*Гостиная доктора Уодсворта, Хайгейт
8 сентября 1888 г.*

Натаниэль был бледен как смерть, когда я вбежала в душную гостиную дяди.

Темно-зеленые и синие завитки на обоях должны были внушать ощущение покоя, но слабо успокаивали брата. Пот струйками стекал по его лбу, на крахмальном воротничке сорочки появилось мокрое пятно. Волосы его были растрепаны, взгляд выглядел диким; темные круги вокруг глаз портили обычно безупречный цвет лица. Брат всю ночь не спал, по-видимому, но жалкое состояние его волос встревожило меня больше всего.

Я подобрала юбки и бросилась к нему; мы столкнулись с ним на полпути через комнату, но я не обратила внимания на то, что косточки моего корсета больно впились в ребра. Он заключил меня в крепкие до боли объятия и уткнулся подбородком в шею, тяжело дыша.

– С тобой все в порядке, – прошептал он, словно обезумев. – Слава богу, с тобой все в порядке.

Я слегка отстранилась и посмотрела ему в глаза.

– Конечно, в порядке, Натаниэль. Почему ты решил, что это не так?

– Прости меня, сестра. Я только что узнал о втором убийстве и где оно произошло. Я знал, что не ты была жертвой, но не мог заглушить в себе дурное предчувствие, сжимавшее мое сердце, – он с трудом сглотнул. – Представь себе мою тревогу. Ведь здравое суждение никогда не было твоей сильной стороной. Я боялся, что тебя заманили в какое-нибудь кошмарное место. Этот день уже принес несчастье нашей семье. Я невольно опасался самого худшего.

– Почему ты раньше не подумал о том, что найдешь меня здесь? – спросила я, цепляясь за последние остатки терпения. Возмутительно, что приходится каждый раз сталкиваться с такими сомнениями. Если бы я была мужчиной, Натаниэль, несомненно, не обращался бы со мной так, будто я сама не в состоянии позаботиться о себе. – Ты знаешь, что я большую часть времени провожу с дядей. Ты ведь не мог бегать бесцельно по улицам весь день. И что такого ужасного принес этот день нашей семье?

Лицо Натаниэля исказилось от гнева.

– Действительно, почему это я так всполошился? Возможно, потому, что моя сестра не желает оставаться дома, как обычная, порядочная девушка!

От его слов у меня перехватило дыхание. Почему я должна быть либо смирной и порядочной, либо любознательной и скверной? Я порядочная девушка, даже если провожу свободное время, читая книги о научных теориях и вскрывая трупы.

Я выпрямилась и ткнула его пальцем в грудь.

– Почему, скажи мне, бога ради, я должна оставлять записку, которую может найти отец? Ты же знаешь, как он себя поведет, если обнаружит мой обман. Ты совсем обезумел, или это временный приступ помешательства? – я не дала ему ответить. – Слава богу, оно, по-видимому, поражает только сильный пол семейства Уодсвортов. Моя принадлежность к слабому женскому полу пока спасает меня от вашей жестокости. А что это за ерунда насчет сегодняшнего дня? Это как-то связано с отцом?

Боевое настроение покинуло брата так же быстро, как и нахлынуло. Он отступил назад и потер виски, чтобы снять напряжение.

– Не знаю, с чего начать, – внезапно он очень заинтересовался полом и уставился на него, избегая смотреть мне в глаза. – Отец... его не будет дома несколько недель.

– С ним все в порядке? – я прикоснулась к его локтю. – Натаниэль, пожалуйста, посмотри на меня.

– Я... – Натаниэль слегка выпрямился и посмотрел в мои встревоженные глаза. – Сегодня утром к нам заходил суперинтендант. Одри Роуз, то, что я собираюсь тебе рассказать, может сильно тебя встревожить, держи себя в руках.

Я закатила глаза.

– Уверяю тебя, я вполне способна выслушать то, что ты пришел мне сказать, брат. Единственное, что меня может встревожить, – это твои недомолвки, они нагнетают напряжение.

Кто-то у двери фыркнул, и мы с Натаниэлем оба резко повернулись к незваному гостю. Томас. Он прикрыл рот ладонью, но не стал скрывать, что трясется от смеха.

– Прошу вас, продолжайте, – проговорил он между приступами хохота. – Делайте вид, что меня здесь нет, если хотите. Это должно вам помочь.

– Разве обязательно вмешиваться в разговор других людей? – спросила я, и мне самой мой тон показался немного резковатым. – Вам больше нечего делать? Или вы просто тренируете свое умение быть как можно более нахальным и вызывать отвращение?

Улыбка Томаса не угасла, но юмор ушел из его глаз. Мне захотелось заползти в ближайшую могилу и спрятаться.

– Томас, я прошу прощения. Это было...

– Ваш дядя попросил меня посмотреть, что за шум доносится из этой комнаты. Он хотел убедиться, не убиваете ли вы друг друга на его любимом гигантском ковре, – Томас сделал паузу, поправляя манжеты; теперь его голос был холодным и далеким, как арктическая тундра. – Уверяю вас, юная мисс, я бы скорее дал вырвать себе ногти, один за другим, чем остался здесь еще хоть на миг нежеланным гостем.

Он бросил взгляд на Натаниэля.

– Расскажите ей о танцах вашего отца со Скотленд-Ярдом сегодня утром. Даю вам слово, она вполне в состоянии это выдержать.

Не прибавив ни слова, Томас кивнул и вышел из комнаты. Было ясно, что я его обидела, но у меня не было времени размышлять об этом. Я резко повернулась к Натаниэлю.

– Какое это имеет отношение к отцу?

Брат подошел к кушетке и сел.

– Очевидно, после завтрака отец пошел в Уайтчепел. Детективы-инспекторы прочесывали окрестности – из-за убийства и прочего – и обнаружили его в одном... заведении, не подходящем для посещения человеком его титула, – Натаниэль сглотнул. – Ему повезло, что заметивший его человек знал, кто он такой. Суперинтендант проводил отца домой и предложил ему уехать из города на несколько недель. Или по крайней мере до того, как он приведет в порядок свои... дела.

Я закрыла глаза; воображение мое двигалось огромными скачками. В Ист-Энде было всего несколько видов различных «заведений». Пабы, бордели и... опиумные притоны.

Я каким-то образом оказалась сидящей на маленьком диванчике рядом с Натаниэлем. Отец принимал лауданум – настойку опиума – каждый день после смерти мамы. Доктор заверил нас, что она поможет ему от бессонницы и других болезней, но, очевидно, она оказывала противоположное действие.

В моей голове мелькали картины – как он вытирает мокрый лоб, бродит по ночам по коридорам, как нарастает его паранойя. Я поверить не могла, что не связывала смену настроений отца и его поведение с действием его любимого тонизирующего лекарства.

Я принялась снимать ниточки с юбки.

– Как отец себя чувствует?

– Если говорить честно, он был не в состоянии что-либо обсуждать, когда я уходил, – ответил Натаниэль и смущенно заерзал. – Вместо меня отца в загородный дом повезет суперинтендант.

Я кивнула. Наш «загородный дом» представлял собой обширное поместье в Бате, оно называлось Торнбрайер. Оно было красивым и экстравагантным, как большинство собственности, которую унаследовал лорд Уодсворт. Идеальное место, где можно вернуть человеку... рассудок.

– Он проявил большую тактичность и готовность помочь, этот суперинтендант, – прибавил Натаниэль.

Я сжала губы. Вероятно, отец в прошлом платил этому полицейскому за молчание, и причина доброты суперинтенданта – надежда на дальнейшую прибыль.

– Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделала?

Натаниэль покачал головой.

– Суперинтендант Блэкберн, так его зовут, по-моему, собирал вещи отца вместе с новым камердинером и сказал, что мне следует заняться твоими поисками. Они выехали примерно час назад.

Я уставилась на брата. Отец уже уехал. Какой бы трудной он ни делал жизнь в доме, я не могла о нем не тревожиться. У меня вырвался глубокий вздох. Едва ли я могла позволить себе роскошь раздумывать о вещах, мне неподвластных, когда надо раскрывать убийства и исследовать трупы.

– С тобой все будет в порядке, если я уйду ненадолго? – спросила я, поднимаясь и отряхивая корсаж. – Мне действительно необходимо вернуться и помочь дяде, если дома ничего нельзя сделать.

Взгляд Натаниэля переместился на дверь, ведущую в лабораторию. Один бог знает, какие мысли проносились в его голове. По мнению брата, дядя был «в шаге от перехода во тьму», которую так любил изучать.

Вместо того чтобы затеять очередной спор, я сжала его ладони в своих руках и улыбнулась. Он немного смягчился, и я улыбнулась еще шире. Уроки тетушки Амелии о том, как можно убедить противоположный пол, все-таки пригодились. Мне нужно будет попробовать еще лучшую тактику с Томасом, если я надеюсь загладить свою вину за его оскорбленные чувства.

– Я вернусь домой к позднему ужину. Тогда мы сможем обсудить план лечения отца, – я отступила назад и позволила себе чуточку юмора в голосе. – Кроме того, тебе следует заняться своими волосами, брат. Они в полном беспорядке.

Казалось, Натаниэля раздражают противоречивые чувства: ему одновременно хочется рассмеяться, потребовать, чтобы я вернулась домой вместе с ним, и предоставить мне свободу, которой, как он понимал, я так сильно желаю.

В конце концов он опустил плечи.

– Я пришлю за тобой карету ровно в семь часов, никаких возражений. Пока отца не будет, я за все отвечаю – до приезда тетушки Амелии.

Несмотря на все происходящее, эта новость показалась мне довольно приятной.

Я умела справляться с тетушкой Амелией и ее уроками этикета. Ее утро всегда было занято поездками по магазинам, вторая половина дня – чаем и сплетнями, и она очень рано ложилась спать, заявляя о необходимости полноценного отдыха, чтобы сохранить красоту, но я-то знала, что в действительности она наслаждалась несколькими бокалами спиртного перед сном. Она будет уезжать из дома чаще, чем я. Свобода – великолепная вещь.

Несмотря на пагубное пристрастие отца, серийного убийцу, изувеченных женщин и потоки крови, мне удалось слегка улыбнуться.

– Вы рады, что вашего отца не будет дома.

Томас не задавал вопрос, он просто заявил мне о том, что я чувствую, с такой уверенностью, на которую никто не имеет права. Игнорируя его, я просматривала записи, которые дядя набросал рядом с каждой сценой преступления. Что-нибудь должно бросаться в глаза.

Если бы мне удалось обнаружить это до возвращения дяди из Скотленд-Ярда...

– У вас с ним плохие отношения, вероятно, уже несколько лет, – он помолчал, глядя на мои пальцы, которые теребили кольцо моей матери.

Это был бриллиант в форме груши – ее камень по дате рождения – и одна из немногих принадлежавших ей вещей, которые отец разрешил мне оставить у себя. Или, мне следует сказать, одна из немногих ее вещей, с которыми он смог расстаться. Отец отличался сентиментальностью.

Пока я росла, мне всегда хотелось, чтобы мой день рождения тоже был в апреле. Бриллианты служили воплощением того, какой я надеялась стать: красивой, но обладающей несравненной прочностью. В каком-то смысле я больше походила на «бриллиант Херкимера»², внешне напоминающий настоящий алмаз, но не совсем такой же.

Губы Томаса тронула грустная улыбка.

– А, понимаю. Вы с ним в плохих отношениях после смерти вашей матери, – его улыбка угасла, голос стал тише. – Скажите мне, вам было... трудно? Он просил вашего дядю вылечить ее с помощью науки?

Я встала так резко, что мой стул упал на пол с грохотом, способным разбудить мертвого, если бы таковой находился в лаборатории.

– Не говорите о том, о чем понятия не имеете!

Я сжала кулаки, чтобы сдержаться и не накинуться на него. Его маска равнодушия сменилась выражением искреннего сожаления. Через несколько секунд я спокойно спросила:

– Откуда вы узнали об этих интимных подробностях моей жизни? Вы расспрашивали дядю, специально, чтобы причинить мне боль?

– Мне кажется... вы должны понимать, как сильно... – Томас покачал головой. – В мои намерения не входило причинять вам боль. Я прошу прощения, мисс Уодсворт. Я подумал, что, возможно, я мог бы... – он пожал плечами и умолк, оставив меня в сомнениях насчет того, что он мог бы сделать, затронув такую ужасную тему.

Я глубоко вздохнула. Любопытство побеждало во мне гнев.

– Ладно. Я вас прошу на этот раз. – я подняла палец в ответ на надежду, отразившуюся на его лице. – Только если вы мне скажете правду, откуда вы это узнали.

– Думаю, с этим я справлюсь. Это было очень легко. – Он протащил стул вокруг стола и поставил его на том расстоянии от меня, которое в благовоспитанном обществе считается пристойным. – Вам просто нужно отточить ваши способности к дедукции, Уодсворт. Смотрите на очевидное и двигайтесь вперед от него. Большинство людей не обращает внимания на то, что находится у них прямо перед глазами. Они думают, что видят все, но часто видят лишь то, что хотят. Именно поэтому вы так долго не замечали пристрастия отца к опиуму.

Он похлопал себя по нагрудным карманам и по карманам штанов и нахмурился, когда его поиски оказались безрезультатными.

– Это сводится к математическим уравнениям и формулам. Если улика – это «у», а вопрос – «в», тогда чему равно «о», ответ на ваш вопрос? Просто смотрите на то, что у вас перед глазами, и сложите все вместе.

Я сдвинула брови.

² Кристалл кварца.

– Вы говорите, что вычислили все это, просто наблюдая за мной? Простите, если мне в это очень трудно поверить. Нельзя применять математические формулы к людям, Кресуэлл. Не существует уравнения для человеческих эмоций, в них слишком много переменных.

– Это правда. У меня нет формулы, но я умею делать выводы из некоторых... эмоций, которые я чувствую вблизи от вас.

Его лицо снова осветила живая искра. Откинувшись назад, он скрестил руки на груди и ухмыльнулся при виде моего яркого румянца.

– Как бы то ни было, наверху, когда ваш брат сказал, что отца не будет дома, вы улыбнулись, потом сразу же нахмурились; это наводит на мысль, что вы скрываете свой восторг от того, что вас оставили в покое на несколько недель. Вы не хотите выглядеть бесчувственным чудовищем, особенно учитывая то, что ваш бедный отец болен.

– Как вы это увидели? – спросила я и прищурилась. – Вы в тот момент уже вышли из комнаты.

Томас не дал ответа на этот вопрос, но на его лице промелькнула усмешка и исчезла, поэтому я поняла, что он тогда меня услышал. Этот негодяй подслушивал.

– Далее, когда я упомянул о ваших плохих отношениях, – продолжал он, – вы бросили быстрый взгляд на то кольцо, которое рассеянно вертели вокруг пальца. Судя по стилю и размеру, я сделал вывод, что это изначально не ваше кольцо.

Он снова сделал паузу и еще раз проверил свои карманы. Я не имела ни малейшего представления, что он ищет, но его возбуждение росло. Он рывком вынул руки.

– Напрашивается вопрос: чье это было кольцо? Учитывая его несколько старомодный вид, нетрудно догадаться, что оно принадлежало женщине, по возрасту годящейся вам в матери, – произнес он. – Поскольку вы бродите по городу поздно ночью и проводите много времени в лаборатории, несложно прийти к выводу, что ваша мать умерла, а ваш отец не знает о вашем местонахождении.

Томас прикусил губу; казалось, он не знал, что сказать дальше. Теперь я поняла, как работает его мозг. Холодная отстраненность служила ему переключателем, он включал ее, когда обдумывал какую-то проблему. Я приготовилась к чему-то неприятному и махнула ему рукой:

– Продолжайте. Выкладывайте все.

Он пристально посмотрел мне в лицо, стараясь определить степень моей искренности.

– Какой отец не знает, где находится его дочь? Такой, у которого не самые лучшие отношения с вышеупомянутой дочерью, потому что он, вероятно, слишком поглощен своим горем или пагубным пристрастием, и его это не волнует.

Томас подался вперед, в его глазах зажглась заинтересованность, а может быть, даже уважение.

– Как могла такая юная женщина, как вы, увлечься этими мрачными событиями? Только став свидетельницей научного акта отчаяния, имеющего целью спасти жизнь. Где вы могли соприкоснуться с этим, вот что мне интересно?

Он нарочито обвел взглядом комнату, чтобы я лучше его поняла.

– Понимаете? Все ответы, которые я искал, были вполне очевидны. Я не знал до этого момента, что ваш дядя причастен к смерти... – его голос замер, он понял, что приближается к опасной теме. – В любом случае, вы просто должны знать, где искать ответы на ваши вопросы. Простая математическая формула, примененная к хомо сапиенс. И смотрите! Наука снова одерживает верх над природой. Не нужно никаких эмоций.

– Только вы ошибаетесь, – прошептала я, потрясенная уровнем его точности. – Без людей и природы нет науки.

– Я не совсем это имел в виду, Уодсворт. Я говорю о попытке разгадать загадку или раскрыть преступление. В этом эмоции не играют никакой роли. Они слишком беспорядочны и сложны, – он поставил локти на колени и смотрел прямо мне в глаза. – Но они полезны в других

ситуациях, я полагаю. Например, я пока не придумал формулу для любви или романтики. Возможно, скоро я ее узнаю.

Я ахнула.

– Вы бы посмели высказывать такие непристойности, если бы здесь был мой дядя?

– А, вот он, – сказал Томас, подбирая с полу журнал и игнорируя мой последний вопрос. Я подняла свой стул и стала снова читать записи дяди.

По крайней мере я сделала вид, будто читаю. Я смотрела на Томаса до тех пор, пока у меня глаза не скосились к переносице, и пыталась найти какую-нибудь подсказку, чтобы узнать что-то о нем или о его семье. Единственный вывод, который я смогла сделать, заключался в том, что он смел и не испытывает никакого смущения, а его замечания граничат с непристойностью.

Не поднимая головы от своего журнала, он сказал:

– Значит, вам не удалось меня разгадать? Не волнуйтесь, у вас получится, когда потребуетесь. И да, – он насмешливо усмехнулся, не отрывая глаз от заметок, – завтра я по-прежнему буду вам нравиться, как бы вам сильно ни хотелось обратного. Я непредсказуем, а вы это обожаете. Точно так же, как я не в состоянии построить в своем могучем уме уравнение, где вы являетесь переменной, но все равно я от этого в восторге.

Все резкие ответы, которые я придумала, вылетели у меня из головы. Словно ощутив перемену настроения в комнате, он поднял взгляд. Если я ожидала, что Томас устыдится своей прямоты, я снова жестоко ошибалась. Он с вызовом смотрел на меня, высоко подняв брови.

Я была не из тех девушек, которые отступают, поэтому смотрела ему прямо в глаза. И сама бросала ему вызов. Для его игры во флирт нужны двое.

– Значит, вы совсем отказались от роли детектива? – в конце концов спросил он, указывая на запись в журнале дяди, сделанную почти за четыре месяца до первого убийства. – Мне кажется, я нашел тут нечто такое, что заслуживает пристального внимания.

От его близости у меня покалывало кожу, но я не отстранилась, а наклонилась и прочла:

«Жертва, Эмма Элизабет Смит, подверглась нападению двух, а возможно, и трех человек, если верить ее показаниям, в ранние утренние часы 3 апреля 1888 года. Она или не видела, или намеренно отказалась опознать преступника (преступников), ответственных за ужасную рану, которую они ей нанесли. Предмет (воткнутый в ее тело) стал причиной ее смерти днем позже, так как он проткнул ее брюшину».

Я быстро проглотила горькую желчь, которая поднялась к моему горлу. Третье апреля было днем рождения моей матери. Как ужасно, что нечто настолько отвратительное могло произойти в такой радостный день.

Брюшина, если память меня не подводит, – это стенка живота. Я понятия не имела, почему Томас решил, что это имеет какое-то отношение к нынешним убийствам, ведь явно то преступление совершил какой-то другой дикарь, бродивший по улицам Лондона. То убийство случилось в апреле, а наш Кожаный фартук начал свои жестокие нападения в августе.

Не успела я дать ему достойную отповедь, как он указал мне на самую чудовищную подробность из всех.

– Да, меня это сильно выбило из колеи в первый раз, Кресуэлл. Нет необходимости опять обсуждать весь этот ужас, если только вы не получаете извращенное удовольствие, глядя, как меня чуть ли не выворачивает, – я не смогла сдержаться и не подпустить яду в свой тон.

– Уберите из уравнения свои эмоции, Уодсворт. Если вас будут отвлекать такие пустяки, это вам не поможет в расследовании, – мягко произнес Томас, потом наклонился через разделяющее нас небольшое расстояние, словно ему хотелось прикоснуться к моим рукам, но тут же опомнился. – Считайте это просто деталью головоломки уникальной – хотя и отвратительной – формы.

Я хотела возразить, что эмоции – вовсе не пустяки, но его отстраненность во время расследования разжигала во мне любопытство. Если его метод работает, то может стать полезным

переключателем, дающим возможность включать и выключать в себе эмоции по мере надобности.

Я снова прочла журнал, на этот раз стараясь сосредоточиться на отвратительных подробностях. Возможно, Томас и безумец, но он – гениальный безумец.

На поверхностный взгляд это преступление не походило ни на убийство мисс Николс, ни на убийство мисс Чапмен. Временная линия не совпадала. Эта женщина была еще жива, когда ее нашли. Ее органы не вырезали, и она не была брюнеткой.

Тем не менее оно вписывалось в нашу гипотезу о человеке, которого подстегивало желание избавить Ист-Энд от греха. Она была всего лишь жалкой проституткой, разносящей болезни, и не заслуживала права на жизнь.

Если бы я и так уже не превратила себя в неподвижную глыбу льда, уверена, что холод вонзил бы свои когти в мою спину.

Полицейские детективы ошибались. Мисс Николс не была первой жертвой нашего убийцы.

Первой была мисс Эмма Элизабет Смит.

Глава 7

Исследование тайн

*Резиденция Уодсвортов, Белгрейв-сквер
10 сентября 1888 г.*

Я гоняла картофель с приправой из трав по тарелке до тех пор, пока не выложила из него знак вопроса.

Прошло два дня с тех пор, как моего отца отправили за город и мы с Томасом открыли настоящую первую жертву нашего убийцы. С тех пор мы не слишком далеко продвинулись. Теперь ночные часы, когда меня раньше преследовали призраки, не поддающиеся моему контролю, заполняли вопросы, на которые я не могла ответить. Клянусь, я ела их на завтрак, обед и ужин. Когда я считала, что уже наелась, мне подавали на серебряной тарелке новое блюдо, в котором было полно новых вопросов.

Натаниэль наблюдал за мной поверх края своего бокала с вином, на его лице читались тревога и раздражение. Наша тетушка и кузина должны были приехать на этой неделе, поэтому мне нужно было к тому времени привести себя в порядок. Я не годилась на роль веселой хозяйки дома, а терпение брата быстро испарялось. Дядя взял с меня клятву хранить тайну; и даже если бы я хотела поделиться своими мыслями с Натаниэлем, я не могла этого сделать.

Не говоря уже о том, что интересующая меня тема едва ли подходит для обсуждения за обеденным столом. Обсуждать пропавшие яичники и одновременно просить передать соль – это у любого вызвало бы отвращение, а не только у девушки моего положения.

Я откусила маленький кусочек и изо всех сил постаралась его проглотить. Марта исключительно вкусно приготовила жареную индейку, тушеную морковь и картофель с розмарином, но ароматный запах и застывающая темно-коричневая подливка вызывали у меня тошноту. Оставив все попытки делать вид, что я ем овощи, я гоняла кусок индейки по белоснежной тарелке.

Натаниэль поставил свой бокал на стол с такой силой, что мой бокал задребезжал.

– С меня довольно! Ты за последние два дня и двух кусочков не проглотила. Я не позволю тебе продолжать помогать этому сумасшедшему, если причина в этом.

Я уставилась на него, держа вилку над своим недоеденным обедом. Мы оба знали, что это пустая угроза. Натаниэль первым отвел взгляд, потирая виски круговыми движениями. Сегодня вечером он надел чрезвычайно модный костюм, из импортного материала и идеально сидящий на его фигуре. Брат приказал слуге принести бутылку своего любимого вина, изготовленного в тот год, когда даже отец еще не родился.

По тому, как он слегка горбил плечи, будто на них навалилась непосильная тяжесть, я видела, что на брата давит плохое здоровье отца.

Он всегда был самым чувствительным и добрым из нас, отпускал на свободу всех жучков, которые пробирались в наш дом. Скармливал каждому бродячему животному, появлявшемуся у нашей двери, больше еды, чем необходимо, пока я пыталась представить себе, как будут выглядеть внутренности этого животного, если оно умрет. Он считал бабочку олицетворением красоты, которая заслужила право порхать по миру и вносить свой вклад в его многоцветие. Я же видела блестящую металлическую иглу, которую мне хотелось воткнуть в ее тельце, приколов ее к доске для дальнейшего научного изучения.

Он пошел в нашу маму.

– Не могу допустить, чтобы ты умерла с голоду, сестра, – Натаниэль оттолкнул от себя тарелку, налил еще вина из стоящего перед ним заново наполненного хрустального графина.

Я смотрела, как зачарованная, на капельки красного вина, брызнувшие на белую скатерть, – они напоминали капельки крови на стенах рядом с головами жертв.

Я закрыла глаза. Куда бы я ни смотрела, я видела напоминание о чудовищных преступлениях, совершенных в Уайтчепеле.

Возможно, я слишком много думала о смерти. Я искренне сомневаюсь, что моя кузина Лиза стала бы думать о брызгах крови. Она бы, наверное, позвала служанку и велела ей поскорее ликвидировать пятно, пока оно не впиталось. Тетушка Амелия хорошо воспитала ее и, несомненно, надеялась, что я стану такой же – при должном воспитании.

Натаниэль сделал большой глоток из своего бокала, потом осторожно поставил его. Его пальцы отстукивали медленный ритм по ножке бокала, пока он придумывал другие доводы, которые могли бы убедить меня бросить мои занятия. Такая преувеличенная демонстрация родительской заботы начинала мне надоедать.

Я подняла ладонь и помахала ею, как белым флагом, – я слишком устала, чтобы спорить с ним. Если я на несколько дней воздержусь от посещения лаборатории дяди и это успокоит брата, пусть будет так. Нет особой необходимости проводить исследования оттуда.

Но брату об этом знать не надо.

– Ты прав, дорогой брат. На время остаться в стороне от всех этих неприятных вещей – это именно то, что доктор прописал, – я одарила его самой искренней улыбкой, и мне было приятно видеть, как он улыбнулся в ответ. – Обещаю, что перекушу позже, перед сном, – я положила салфетку на стол и встала. – Если не возражаешь, я пойду немного отдохнуть. У меня совсем нет сил.

Натаниэль встал и склонил голову. По его мнению, если я буду есть и спать регулярно, я должна чувствовать себя отлично и сиять, как солнце в ясный день.

– Мне очень приятно, что ты в кои-то веки слушаешься своего старшего брата. Немного времени вдали от всех этих неприятных событий пойдет тебе на пользу, Одри Роуз.

– Уверена, что ты прав, – я одарила его еще одной улыбкой и вышла из комнаты. Слуги закрыли за мной деревянные двери и вместе с братом остались по другую сторону. Я несколько раз вздохнула, потом посмотрела вдоль темного коридора.

Мой поспешный уход из-за стола имел еще одну причину. Отец записывал имена всех наших слуг, и я надеялась отыскать что-нибудь полезное о мисс Мэри Энн Николс.

Я прокралась к кабинету отца, старательно обходя скрипящие половицы пола. Я не хотела, чтобы Натаниэль (или кто-то из слуг) узнал об этом. Остановившись у двери, я смотрела на затейливую ручку. Отец убил бы меня, если бы узнал, что я тайком ходила в его личный рабочий кабинет.

Хоть он никогда прямо этого не говорил, но всем было известно, что комнаты отца после смерти мамы стали запретной территорией. Я была незваной гостьей, тенью, прячущейся в углах собственного дома.

Со стороны черной лестницы доносился стук и звон – там, внизу, большинство слуг наводили порядок после ужина. Сейчас настал идеальный момент, чтобы проникнуть в кабинет незамеченной. Мои руки чесались от желания повернуть бронзовую ручку и проскользнуть внутрь, но я не могла собраться с духом и сделать это.

Что, если он сможет догадаться, что я там побывала? Я сомневалась, что он придумал нечто хитроумное, но, может быть, он устроил какую-нибудь ловушку из проволоки, которая подаст сигнал тревоги...

Я прислонилась к стенке и чуть не рассмеялась. Какая чепуха! Думать, что отец сделает нечто подобное, особенно учитывая то, что туда заходят служанки, чтобы убрать. Я веду себя как глупый ребенок, который боится чего-то неизвестного, прячущегося под кроватью.

Набрав в грудь побольше воздуха, я заставила сердце биться медленнее. Я и не ощущала, как быстро оно стучит в последние несколько мгновений. Конечно же, если я могла бродить

ночью по улицам, где охотился убийца, я смогу прокрасться в кабинет собственного отца, пока его нет дома.

Доносящиеся из кухни голоса стали громче – должно быть, Натаниэлю несут десерт. Кровь стремительно неслась по моим жилам.

Сейчас или никогда. Голоса приближались; я бросилась через коридор, повернула ручку и скользнула внутрь, с легким шелчком закрыв за собой дверь. Этот звук прозвучал как пуля, посланная в патронник, и он успокоил меня.

Я постояла, плотно прижавшись спиной к деревянной двери, пока эхо шагов не исчезло в коридоре. В качестве дополнительной меры предосторожности я повернула ключ и заперлась внутри, оставив всех остальных снаружи. В комнате было совершенно темно.

Я моргала, пока не привыкла к черноте, покрывающей все, словно пролитые чернила. Отец наглухо задернул темно-зеленые шторы, отгородившись и от прохлады сентября, и от вечерних огней.

В результате комната выглядела гостеприимной как склеп.

Даже в стенах дядиной лаборатории с ее трупами было больше тепла. Я потерла предплечья, чтобы немного согреть их, медленно шагая к камину, при этом мои шелковые юбки предательски шуршали.

Запах сандалового дерева и сигар вызвал призрак отца, и я невольно все время оглядывалась через плечо, чтобы убедиться, что он не стоит позади меня, ожидая момента, чтобы наброситься. Я готова была поклясться, что чьи-то глаза следят за мной из теней.

Несколько тонких свечей в фонарях «молния» роняли холодные восковые слезы, а гигантский канделябр украшал каминную полку рядом с фотографией моей матери. У нас было очень мало ее портретов, и каждый был для меня дорогим сокровищем.

Я всматривалась в грациозный изгиб ее губ, в ее милую улыбку. Это было все равно что смотреть в зеркало, где отражалась я в будущем; у нас даже выражение лиц было одинаковым. В руках она сжимала медальон в форме сердца с крошечной застежкой, а на ее пальце было то самое кольцо, которое я никогда не снимала. Оторвав от нее взгляд, я вернулась к цели моего прихода.

Мне нужно было только зажечь один из фонарей, чтобы просмотреть записи отца; я надеялась, что никто не заметит слабое мерцание свечи под дверью.

Когда я подняла фонарь, какой-то предмет звякнул об пол. Все мышцы моего тела застыли. Я подождала несколько мгновений, уверенная, что меня кто-то обнаружил, но слышала только торжественную тишину. Заставив себя действовать, я зажгла фонарь. Шипение ожившего пламени заставило меня во второй раз задержать дыхание; любой слабый звук казался мне пушечным выстрелом, выдающим мое местонахождение. В конце концов я нагнулась и подняла маленький бронзовый ключик.

Как странно.

Не желая терять драгоценные секунды, гадая, что он отпирает, я быстро положила ключ на место и снова схватила фонарь.

Я подняла его вверх, мои глаза осматривали каждый предмет в комнате, будто видели их в первый и в последний раз. Я стремилась занести в свою память все, что стояло на полках, чтобы в любой момент вспомнить.

Большой портрет – предположительно – одного из наших предков висел на стене между полками от пола до потолка. Он выпятил грудь от сознания собственной значительности, а ногу поставил на тушу огромного медведя, убитого им. Странно, но его здесь не было в последний раз, когда я тут побывала, хотя это было довольно давно.

– Как очаровательно, – прошептала я себе самой. Море крови окружало мохнатый остров, на котором предок стоял одной ногой. Художник сумел передать безумный взгляд глаз нашего предка, от которого кровь застыла у меня в жилах.

Я снова обвела взглядом комнату. Все было темным: дерево, ковер, большая кушетка, несколько кусков обоев, видневшихся из-за предметов искусства, собранных несколькими поколениями. Даже мраморная облицовка камина была темно-зеленой с более темными прожилками. Не удивительно, что отец не мог избавиться от своего горя; темнота сопровождала его постоянно.

Я подошла к его письменному столу; это был гигантский предмет, занимающий большую часть комнаты, угрожающе огромных размеров. Я закатила глаза. Это похоже на меня – увидеть в обычном письменном столе образ злодея. Угрожающих размеров, подумать только.

Сев в кресло отца, обитое плюшем и кожей, я поставила фонарь, стараясь не сдвинуть с места ни одну из бумаг, разбросанных по нему. Я невольно заметила, что отец сделал довольно много набросков механических приспособлений. Поразительно, как он сумел изобразить все их детали при помощи всего лишь угля и бумаги. Клянусь, я почти слышала стук шестеренок и ощущала запах смазки на деталях.

Всю страницу заполняли красивые изображения средств разрушения.

Летательные аппараты с пушками, прикрепленными к их бортам, и другие миниатюрные военные игрушки занимали каждый дюйм бумаги. Жаль, что он перестал делать детали часовых механизмов: судя по тем картинкам, которые я видела, он не утратил своего таланта.

Я прекратила размышлять и стала открывать один за другим все ящики стола в поисках папок, которые он заводил на всех наших слуг – и нынешних, и бывших. Хотя наш дворецкий обыкновенно вел свои записи, отец настаивал, чтобы у него были свои собственные. Когда я добралась до нижнего ящика, я обнаружила, что он заперт. Я нагнулась ниже. Похоже, отец сам создал для него запорный механизм.

– Где бы я спрятала что-то важное? – я постучала пальцами по подлокотнику кресла. Потом вспомнила тот ключ, который упал из-под фонаря. Подбежав к камину, я схватила его и быстро вернулась назад.

Время пролетело быстро, и десерт подходил к концу, скоро слуги начнут ходить туда-сюда по коридору.

Маловероятно, что ключ подойдет, но я должна попробовать.

Я придвинула фонарь ближе. Дрожащими руками вставила ключ в замок. Повернула его влево, уверенная, что он бы уже открылся, если бы подошел, и тут раздался тихий щелчок, и ящик приоткрылся. Слава богу.

Выдвинув ящик до конца, я провела пальцами по папкам, плотно набитым в ящик. Их было так много, что я испугалась – ушел бы весь вечер на то, чтобы найти необходимую мне запись. Я даже не могла вспомнить, сколько горничных служило у нас за последние пять лет. К счастью, отец разместил бумаги в ящике лучше, чем на крышке письменного стола.

Маленькие закладки с именами выглядывали из папок, как острова из океана чернил и бумаги. Я один раз перебрала их, потом второй и нашла папку мисс Мэри Энн Николс.

Оглянувшись через плечо и проверив, заперта ли дверь, я вытащила папку и быстро прочла то, что там лежало. Всего лишь записи о зарплате. Больше ни слова.

Ни сведений о прежней работе. Ни рекомендательного письма.

Ни одного упоминания о ее жизни до работы у нас. Я поверить не могла, что дядя так легко узнал ее. Если верить записям отца, он работала у нас всего две недели. Я откинулась на спинку кресла, качая головой.

Потом вытащила наугад еще одну папку, хмуря брови. Она была посвящена нашей кухарке. Марта, самая давняя из наших служанок, так как она не часто общалась с нами и отец любил ее черный пудинг.

В ней лежало рекомендательное письмо от предыдущих хозяев, письмо из Скотленд-Ярда, свидетельствующее, что она никогда не была под следствием, ее ежемесячная зарплата, премии и расходы на проживание и ее снимок в типичном наряде кухарки.

Я просмотрела еще несколько папок – все они были такими же, как папка кухарки.

Я наугад порылась в ящике и нашла еще одну служанку, которую уволили только за то, что она уезжала к своей семье больше чем на месяц. Ее жизнь выглядела точно такой же, как жизнь мисс Николс, и это подтвердило мои подозрения, что отец выбрасывает большую часть сведений о тех, кто уже не служит у нас.

Я закрыла папки и не без труда положила все назад – точно так же, как они лежали раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.